SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839-1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

- М. В. Барро
  -
  - Глава I. Семья дипломатов
  - Глава II. Миссия в Рим
  - Глава III. В гостях у Хедива
  - Глава IV. Суэцкий перешеек
  - Глава V. Суэцкий канал
  - Глава VI. Панамский канал
  - Источники

М. В. Барро
Фердинанд Мари де Лессепс
Его жизнь и деятельность
Биографический очерк
С портретом Лессепса, картой Суэцкого канала и его панорамным видом

Имя Лессепса навсегда внесено в историю человечества, и навсегда сохранится память о двух главных моментах его жизни: Суэцкий канал и панамская трагедия. Как ни различны два этих события, но и в первом, и во втором Лессепс остается одним и тем же человеком.

Когда он работал на перешейке, отделявшем Средиземное море от Красного, английские недоброжелатели называли его шарлатаном и Монте-Кристо. Последнее – очень метко. В судьбе Лессепса действительно много чудесного, и, хотя его подвиги носят вполне утилитарный характер, сам вершитель этих

подвигов – несомненный мечтатель. Это человек грандиозных планов, немножко беззаботный относительно деталей этих планов, человек громадной энергии, не всегда осторожный в выборе средств.

Суэцкое предприятие ему удалось, панамское сделалось могилой его славы, – но после первых взрывов негодования человечество не может не разглядеть и в обесславленном лице черты великие и симпатичные. У Лессепса, как у Фауста второй части, был прекрасный девиз – aperire terram gentibus, и, как бы вы ни поносили этого человека как “героя” Панамы, вы всегда остановите поток порицаний при словах: Суэцкий канал.

Глава I. Семья дипломатов

Несколько предварительных слов. – Начало известности Лессепсов. – Варфоломей Лессепс. – Экспедиция Лаперуза. – Путешествие Лессепса от Камчатки до Парижа. – Консульство в Кронштадте и Константинополе. – Лессепс – комиссар по торговым делам. – Доверие к нему Наполеона. – Участие в походе 12-го года. – Консульство в Лиссабоне. – Матье Лессепс. – Рождение Фердинанда. – Первые годы его жизни. – Поступление в лицей Генриха IV. – Начало службы. – Лессепс в Александрии. – Консульство в Барселоне. – Отзыв во Францию и назначение в Мадрид. – Лессепс-миротворец. – Дипломатические успехи в Испании

В каждой семье, если бросить взгляд на ее прошлое, можно отметить момент, с которого эта семья, в силу причин почти всегда неясных или гадательных, медленно, но непрерывно начинает подниматься над уровнем своих современников. Горизонт ее первого представителя, в начальный момент возвышения, еще узок, еще невысок уровень и невелик круг современников, над которыми возвышается этот представитель, – но в этой относительной высоте уже чувствуются задатки будущей оригинальности.

Для Лессепсов этот момент наступает в конце XVI столетия. В 1572 году, когда Генрих Наваррский спасался бегством из Лувра, ему помогал капитан придворной стражи Бертран Лессепс. Фигура этого человека почти совсем сливается с туманом прошлого, но слова “бегство и “помогал” оттеняют в этом смутном абрисе черты энергии и личной инициативы. В 1733 году потомок этого Лессепса – уже советник, казначей и председатель первой торговой палаты в Байонне. Через 38 лет в лице Доминика Лессепса фамилия становится дворянской, в лице Варфоломея она попадает в ряды известных. Это – вполне оригинальная личность. Полное имя его – Жан-Батист-Варфоломей, год рождения 1766-й, место рождения – Сеута. Фамильная профессия Лессепсов в эту пору – дипломатическая служба. Они своего рода кочевники. Они то на севере, то на юге, каждый раз среди новых людей и новой обстановки. Лессепсы скорее даже космополиты, чем патриоты, и в этом отношении они скорее люди будущего, чем настоящего, – граждане вселенной, как сказал бы Карамзин.

Возьмем, например, Варфоломея. Родившись в Сеуте, он воспитывался в Гамбурге, службу начал в Петербурге вместе с отцом, Мартэном Лессепсом. Старший Лессепс был назначен генеральным консулом, младший – секретарем посольства.

Молодой человек очень скоро и довольно основательно ознакомился с русской речью, что скоро ему пригодилось. Когда снаряжалась в кругосветное плавание экспедиция графа Лаперуза, ему случилось приехать в Версаль с донесениями от Сегюра, представителя Франции в Петербурге. Юный секретарь посольства, знакомый с русской речью, тонкий наблюдатель нравов и полный энергии, несмотря на молодость, казался своего рода диковиной. О нем толковали в версальских кружках, и эти толки дошли до Людовика XVI. Среди хлопот об экспедиции Лессепс был находкой. Он мог отлично исполнить роль переводчика в контактах путешественников с туземцами Сибири, куда лежала дорога Лаперуза, и король самолично назначил Лессепса на эту должность.

1 августа 1785 года из Бреста вышли два фрегата – “Астролябия” и “Буссоль”, под общим начальством графа Лаперуза. В сентябре 1787 года они были уже в Петропавловске у южной оконечности Камчатки. Здесь решили высадить Лессепса с донесениями во Францию. Таким образом, ему предстояла дорога от Камчатки до Парижа. Если при тогдашних средствах сообщения этот путь был долог вообще, то легко представить себе трудности путешествия по Сибири. Ехать пришлось на собаках, затем на оленях в первобытных санях, отдыхать в зловонных и дымных юртах камчадалов, коряков и прочих народцев, приходилось терпеть голод и холод, переносить болезни без всякой помощи, и, несмотря на все эти напасти, Лессепсу удалось еще написать и книгу, удивительную по богатству материала и еще более – по тому свободному проявлению наблюдательности, которой она отмечена. У Лессепса прекрасный слог, простой и ясный, несколько напоминающий слог Пушкина в “Путешествии в Эрзерум”. Он записывает все с удивительной, однако не утомительной для читателя подробностью: образ жизни, одежду, обряды, песни и даже прилагает к книге краткий словарь языков камчадалов, коряков, чукчей и ламутов. В его отзывах о встречах с русскими и туземцами чувствуется гуманная и в то же время энергичная, когда дело касается исполнения долга, натура путешественника. И таким он остается всю дорогу, прекращая подробное описание только в Европе. Недалеко от Нижнего с ним случилось несчастье. Лопнувшим ободом колеса довольно сильно ушибло ему голову, – но он все-таки продолжал дорогу, примачивая рану водой и водкой, вплоть до Москвы, где ему сделали настоящую перевязку. 17 октября 1789 года, в три часа пополудни он был в Версале, и в тот же день его принял Людовик. Его рассказы о приключениях и виденном, наконец, костюм сибирского путешественника, в котором его представили

королю, – все это произвело сильное впечатление. Лессепса наградили консульством в Кронштадте и за казенный счет напечатали его путевые записки.

В 1794 году Лессепс был секретарем посольства в Константинополе. Здесь он женился на дочери своего коллеги по службе, Руффена, и во время войны Турции с Францией вместе с ним и женой три года просидел в Семибашенном замке. Как образчик доверия, которое внушала к себе его личность, можно указать на то, что узники были отданы под его присмотр и только при этом условии выпускались на прогулку. Как образчик его энергии, если нужно еще доказывать ее после приключений в Сибири, можно привести другое. Когда он был уже на свободе, турецкое правительство попросило его съездить в Марсель и заготовить материал для постройки турецких фортов. Фрегат, на который он сел с семьей, имел экипаж самый пестрый и подозрительный. Дорогой эта смесь греков, африканцев и арабов подняла бунт, и только сила воли Лессепса спасла пассажиров и фрегат.

В марте 1802 года Лессепс опять переселился в Россию, на этот раз генеральным комиссаром по торговым делам. Впрочем, когда произошло первое столкновение наше с Наполеоном, он оставался на посту как непричастный к посольству и в это именно время вел переписку со своим правительством, уже чисто политического свойства. С нарастанием военных действий ему все-таки пришлось покинуть свое место, однако ненадолго. После заключения Тильзитского мира он опять вернулся в Россию. По словам его биографа, Лессепс пользовался расположением императора Александра и много способствовал развитию франко-русских торговых связей. Наполеон считал его честнейшим человеком и, проверяя однажды его счета, положил на них резолюцию: “Отныне по счетам г-на Лессепса платить без проверки...” Когда настал роковой для Франции 1812 год, Лессепсу пришлось почти бежать из России. Ему даже не позволили довезти до границы русскую кормилицу. Если это огорчило его как человека, то еще менее был он доволен необходимостью принять участие в походе в Россию. Это было не в натуре Лессепсов. Их энергия стремилась совсем в другую сторону. Но патриотизм требовал жертвы, и вот, как человек, знакомый с Россией, Лессепс был взят Наполеоном в поход и впоследствии назначен генерал-интендантом Москвы. Он принял эту должность против желания; тем не менее, когда Ришелье, министр иностранных дел уже не Наполеона, а Людовика XVIII, хотел назначить его посланником в Петербург, на это ответили решительным отказом. С тех пор и до самой смерти в 1834 году

он служил в Лиссабоне.

Так говорит о Варфоломее его биограф и племянник. Это – сын его брата Матье от жены Екатерины, урожденной Гревинье де ла Гусс, герой Суэца. Он родился в Версале 10 ноября 1805 года, а время детства провел в Париже, будучи баловнем бабушки и обожателем дяди. В этом дяде все вызывало его удивление, начиная с шубы, в которой тот приезжал из России, и кончая рассказами о виденном им. Приключения в Сибири, сидение в Семибашенном замке, восстание матросов на фрегате, поход в Россию – все это было канвой, по которой юное воображение ребенка ткало уже свои собственные узоры подвигов среди полуфантастических народов и нереальной обстановки. В нивелирующей атмосфере Парижа Фердинанд вырастал с задатками оригинальности, живой, веселый и остроумный, с жестикуляцией, послушной живому воображению. Когда его отдали в лицей Генриха IV – заведение военного склада, где вставали по барабану и носили форму, – ребенок не поддался деспотическому влиянию школы и школьной жизни. Он покорял товарищей, а не покорялся им. Игры, забавы и шалости – все это затевалось по его инициативе и шло по его плану. Это был маленький герой, в уме которого постоянно жили воспоминания о подвигах дяди.

В 1828 году Лессепс распрощался с лицеем и поступил на службу в Лиссабон как атташе посольства, под руководство дяди. Этот пост был важной школой для дипломата. Португалия переживала в ту пору период смут, столкновений династических интересов между собой и с демократическими тенденциями нации. Некоторое время спустя Лессепс был уже в Тунисе, где служил когда-то и где умер его отец. Португальские впечатления пополняются встречами с представителями восточного деспотизма, ленивыми и жестокими, варварами по нравам и хитрецами по уму. Это – преддверие Египта; а в 1829 году Лессепс уже в самом Египте. Он был назначен консулом в Александрию. Здесь он провел семь лет и с этих пор стал известным. В 1835 году в Александрии свирепствует чума. Картина, характерная для востока: болеют кварталами, умирают целыми семьями. Кто только может, бежит из города, кто остается – теряет голову. Один Лессепс сохраняет хладнокровие. Он превращает консульство в амбулаторию, ухаживает за больными и спасает умирающих. Мало-помалу спокойствие сменяет в городе панику: Лессепс становится идолом иностранной колонии и туземцев.

Политика тоже не была забыта: Лессепс умел отстаивать не одни только интересы французов. Он помогал примирению

Египта с Турцией и делал то же в правящих классах страны фараонов, то есть тоже мирил враждующие стороны, у него самого врагов не было, по крайней мере в эту пору, зато друзьями были все, кто имел с ним дело. Будущий вице-король Египта видел в Лессепсе защитника перед суровым отцом и даже наставника. Сам искусный ездок, Лессепс обучал его верховой езде и даже лечил гимнастикой от излишней полноты. Чем это сказалось впоследствии – увидим. В личной жизни консула в эту пору отметим женитьбу на девице Деламаль.

В 1842 году, после консульства на Мальте, Лессепса назначили в Барселону. Это был настоящий город заговорщиков, очаг пропаганды карлистов, приверженцев конституции 1812 года и республиканцев – одним словом, центр Каталонии, богатой, плодородной и, вопреки правилу, вечно недовольной. С назначением Эспартеро регентом Испании Барселона возмутилась и подверглась бомбардировке, а затем и экзекуции. Лессепс повел себя в эту пору как во время чумы в Александрии. Здание консульства, на котором не спускали флаг, сделалось убежищем недовольных и несчастных; из гавани, с ведома консула, уходили корабли с беглецами. После этого неудивительны почести, которыми осыпали Лессепса жители Барселоны. Иностранная колония поднесла ему медаль в память пережитых событий, городские власти поставили его бюст в здании ратуши, из Марселя прислали адрес, иностранные дворы и мадридский – ордена. Только в Париже взглянули на дело несколько иначе. Деятельность Лессепса показалась там подозрительной – не играл ли он на руку монархистам? – и его отозвали. Впрочем, вскоре разъяснилось, что это были поступки не дипломата, а гуманиста, и Лессепса даже повысили, назначив полномочным министром в Мадрид.

Когда состоялось это назначение, Париж волновался: Июльскую монархию сменяла Вторая республика. Король бежал скорее, чем того ожидали, королевский дворец был занят народом. Среди арестованных при этом вещей, как узнал Лессепс, находились вещи испанской принцессы, герцогини Монпансье. Он поспешил на выручку и добился их передачи в испанское посольство. Таким образом, единственное облако, грозившее омрачить франко-испанские отношения, рассеялось, и Лессепс поехал за Пиренеи почти как на родину. В Испании его имя было одинаково популярно среди партий всех оттенков, потому что и одни, и другие, и третьи могли смотреть на него и как на возможного защитника в тяжелую минуту. Примеров этого много и помимо барселонских, но вот пример отношения к Лессепсу господ заговорщиков и бродяг. Отправляясь на пост посланника,

он свернул, по дороге в Мадрид, в Барселону за семьей. Оттуда предстоял переезд по горам Каталонии, где еще бродили шайки карлистов и других повстанцев, наконец, контрабандистов и просто разбойников. Лессепсу предложили конвой, но он отказался, найдя это скорее помехой, нежели подмогой. Тронулись в путь. Вскоре действительно стали попадаться подозрительные группы всадников. Они останавливались вдали и высылали одного узнать, кто такие. Как только становилось известным, что это Лессепс с семьей, и разведчик, и группа скрывались в горы.

Одним словом, путешествие до Мадрида совершилось вполне благополучно. Зато в Мадриде было иначе. Лессепс приехал туда на другой день после восстания двух полков, которое было подавлено и теперь его участников судил полевой суд. Ночью, едва успел французский посланник расположиться на отдых, как его разбудили. Какая-то дама желала его видеть и ждала внизу в кабинете. Лессепс поспешил спуститься. Он тотчас, как только она подняла вуаль, узнал посетительницу. Это была жена генерала Морены, предводителя только что подавленного восстания. Его еще не схватили, но могли схватить ежеминутно как уличенного признаниями солдат. Лессепса просили заступиться или сделать то же, что он сделал когда-то для того же Морены в Барселоне, то есть тайно отправить его за границу. Лессепс ответил, что Барселона – одно, а Мадрид – другое, но обещал подумать и просил зайти завтра днем, у него была одна надежда – на дружбу с Нарваэсом. Как только рассвело, он поспешил к нему. На звонок отворил сам маршал, к удивлению Лессепса – с испуганным видом. В немногих словах тот объяснил причину визита.

– Ну, – отвечал маршал, – а я, когда вы позвонили, решил, что это полицейские агенты с известием о поимке Морены. Поймите, он мой старый товарищ по школе и защите отечества в 1808 году, и мне пришлось бы его расстрелять!

– В чем же дело? – сказал Лессепс, пожимая руку Нарваэса. – Значит, мы сойдемся.

Друзья действительно сошлись. Было решено, что Лессепс воспользуется отъездом в Байонну одного французского семейства и присоединит к нему на площади Correos переодетого Морену, а маршал даст полиции приказ искать преступника в другой части города. Одним словом, Морена был спасен, и это дает Лессепсу повод опровергнуть рассказы о жестокости Нарваэса. Но едва ли это обоснованно. Гораздо вернее взглянуть на этот эпизод как на обычное явление кумовства и протекции, только в области политических преступлений. Тех, кто не имел

чести учиться вместе с маршалом, агенты полиции могли ловить, не расстраивая нервов Нарваэса, – и в этом случае маршал был действительно жесток. После уз дружбы только сильное давление со стороны и протекция могли повлиять на его решения. Сам Лессепс приводит рассказ об этом. Вскоре после хлопот с Мореной к нему явилась девица Монтихо, племянница его матери, впоследствии жена Наполеона III. Речь опять шла о спасении осужденных. Два полка, стоявшие в Валенсии, не зная, чем кончился мятеж в Мадриде, тоже подняли знамя восстания, которое также было подавлено. В смуте приняли участие представители лучших испанских фамилий, но приговор был оглашен суровый – смертная казнь. Исполнение этого приговора замедлилось лишь в ожидании конфирмации королевой. Этим воспользовались заступники. Сестра одного из осужденных добилась, через девицу Монтихо, свидания с королевой и успела склонить ее к прощению. Однако Нарваэс, забыв о Морене, настаивал на принятом решении и даже грозил отставкой в случае его отмены. Новый перерыв еще раз отсрочил конфирмацию. Королева уехала в Аранхуэс, не подписав приговора. В этот момент обратились к Лессепсу. Дело было нелегкое, но он решил попытаться. Он послал за почтовой каретой и поехал в Аранхуэс. Как поступить – он решил дорогой.

Все министры были в сборе, когда приехал французский посланник. Он попросил доложить о себе Нарваэсу и, когда тот вышел, с самым серьезным видом объявил, что уезжает.

– Я приехал проститься с вами, – сказал Лессепс. – Вы знаете условия моего назначения к вам. Предполагалось, что я буду иметь влияние на ваше правительство в примирительном духе, и вдруг узнаю, что девица Монтихо, представительница знаменитейшей испанской фамилии, напрасно просила моего заступничества, скорее полезного, чем вредного для вас. Мне остается удалиться, и я прощаюсь...

Нарваэс пристально взглянул на Лессепса. Но, как искусный дипломат, француз был непроницаем. Оставалось отказать или согласиться, и Нарваэс решился на второе.

– Берите головы этих людей, – сказал он, смеясь и пожимая Лессепсу руку.

На этом роль Лессепса как миротворца не кончилась. Немного позже случилось другое событие. Французское коммерческое судно в Бильбао взяло на борт сорок пять политических преступников и вышло ночью в море. Однако ему пришлось вернуться из-за непогоды, и тайные пассажиры были захвачены полицией. Французский консул сейчас же телеграфировал об этом Лессепсу, и Лессепс в третий раз стал

спасителем: эмигрантам позволили покинуть Испанию.

Все эти акты гуманности не входили, конечно, в прямую обязанность французского посланника и были защитой скорее чужих подданных, чем интересов отечества. Правда, Лессепс являлся в этом случае как бы носителем принципов 1792 года, возлагавших на Францию поддержку дела свободы у всех народов, но, во-первых, защита, например, карлистов, сторонников абсолютизма, вовсе не касалась этого принципа, а во-вторых, само применение его, допуская, что это было оно, носило печать дореволюционной эпохи – непотизма.

С французской точки зрения, заслугой Лессепса было заключение выгодной почтовой конвенции с Испанией, – конвенции, о которой до него без успеха хлопотали целых семьдесят лет. Говоря же вообще, он обнаружил в Испании удивительную способность ладить с партиями самых противоположных стремлений. Вот почему его послали распутывать такой гордиев узел, как дружественное вмешательство французов в дела итальянцев.

Глава II. Миссия в Рим

Италия в 1849 году. – Положение, занятое Францией. – Победа австрийцев при Новаре. – Речь Одилона Барро в палате. – Ответ парламентской комиссии. – Кредит на экспедицию. – Французы в Чивитавеккье. – Декларация французского корпуса. – Адрес муниципалитета. – Отношение к французам римского собрания. – Протест из Рима. – Прокламация Удино. – Осадное положение в Чивитавеккье. – Прокламация префекта. – Нападение французов на Рим. – Неудача. – Буря во французской палате. – Назначение Лессепса. – Приезд его в Рим. – Перемирие. – Первый проект соглашения. – Новая редакция проекта. – Начало недоразумений с Удино. – Декларация Лессепса римским властям. – Удино готовится к осаде. – Новые хлопоты Лессепса о примирении. – Декларация Удино. – Отозвание Лессепса. – Отношение к нему французского правительствапо возвращении из Рима. – Лессепс как политик

Положение Апеннинского полуострова в 1849 году было такое: с севера победоносно наступали австрийцы, папа бежал в Гаэту, в Папской области провозглашена республика, которой грозил с юга Неаполь. Эти события живейшим образом затронули Францию. Еще в то время, когда австрийская армия грозила границам Пьемонта, Национальное собрание, пользуясь своим правом, пригласило министерство принять какое-нибудь решение и, между прочим, уполномочило его, если оно признает это в интересах Франции, занять временно какой-нибудь пункт итальянского полуострова. Вскоре после этого пришло известие о поражении пьемонтской армии в битве при Новаре. Необходимость вмешательства в итальянские дела становилась очевидной, и потому на заседании 16 апреля 1849 года президент совета Одилон Барро испросил кредит в миллион двести тысяч франков на три месяца для покрытия расходов экспедиции.

“Австрия, – сказал президент, – пользуется плодами своей победы и по праву сильного может завладеть государствами, более или менее заинтересованными в войне между ней и Сардинией. Впечатление этих событий ощущается в Центральной Италии. Имеющиеся у нас сведения говорят о серьезном кризисе в римских провинциях. Франция не может остаться равнодушной к этому. Покровительство нашим соотечественникам, забота о поддержке нашего влияния в Италии, желание обеспечить римскому населению хорошее правительство, основанное на либеральных учреждениях, – все это заставляет нас

воспользоваться полномочием, которое вы возложили на нас... Мы позволяем себе утверждать, что из факта нашего вмешательства проистекут действительные гарантии и для интересов нашей страны, *и для дела истинной свободы”.*

Еще определеннее выразился докладчик комиссии, изучавшей вопрос о вмешательстве Франции.

“Из объяснений, – сказал он, – данных господином президентом совета и министром иностранных дел (Друэном де Люисом), становится очевидно, что правительство не желает навязывать Франции роль разрушительницы существующей в настоящее время Римской республики... Дочь народной революции, Французская республика не могла бы, не опасаясь унижения, способствовать подчинению независимой национальности. Но так как Пьемонт пал и императорская армия угрожает Тоскане и Романье, в силу права войны и привилегии победителя, и так как вследствие этого может иметь место самая жестокая реакция, то Франции необходимо, дабы не отказаться от своих принципов, водрузить свое знамя в Италии, чтобы под ним уважались права человечества и хотя бы отчасти была спасена свобода. Комиссия поняла, что, возлагая на исполнительную власть право занять часть Италии, которой теперь угрожают, вы ей поручите положить предел притязаниям Австрии и своим вмешательством, при поддержке силы нашего оружия, окончить раздоры, которые еще угнетают полуостров и которые наш интерес и наш долг повелевают разрешить наиболее благоприятным образом для развития *демократических учреждений”.*

Президент совета соглашался с этим заключением комиссии. Таким образом, дело шло не о разрушении Римской республики, а лишь о защите ее от натиска реакции в лице Австрии. Именно так поняло намерения правительства Национальное собрание, и потому кредит на экспедицию был вотирован.

Во исполнение этих намерений решили занять город Чивитавеккья и послали туда экспедиционный корпус под начальством генерала Удино. Сутками раньше туда же уехали французские уполномоченные, чтобы подготовить почву для оккупации и объясниться с префектом Чивитавеккьи. После переговоров и некоторых затруднений они решили издать прокламацию к римскому населению и в ней разъяснить истинные стремления Франции.

“Правительство Французской республики, – говорилось в этой прокламации, – постоянно одушевленное духом свободы, объявляет, что будет уважать желания большинства римского населения и вступает на его территорию в качестве друга, дабы

поддержать свое законное влияние. Оно решило, кроме того, не навязывать этим народностям никакой формы правления, которая не будет избрана этими народностями. Что касается управления Чивитавеккьей, то оно будет сохранено со всеми его атрибутами, а французское правительство покроет все издержки, вызванные экспедиционным корпусом".

За этим объявлением последовал адрес муниципальных властей Чивитавеккьи, в котором выражалось доверие к лояльности Франции и ее покровительству свободе, впрочем с оговоркой – обратиться в противном случае ко всем европейским державам. Совсем иначе взглянули на французскую экспедицию римское национальное собрание и правительство в лице триумвирата Маццини, Саффи и Армелини. Извещенные о приближении французского корпуса, они заявили в Чивитавеккью, что нельзя принять дружелюбно вмешательство, казавшееся вначале враждебным, и предлагали городу сопротивляться до последнего. Было, однако, уже поздно. Французские войска уже расположились лагерем на площади Чивитавеккьи. Впрочем, внешние знаки солидарности были сохранены. Караульную службу несли отчасти французские, отчасти римские солдаты, на площади посадили "дерево свободы" и на вершине его водрузили трехцветное знамя Франции и знамя итальянской независимости.

25 апреля, в момент, когда французские войска высаживались в Чивитавеккье, римское собрание обратилось к генералу Удино со следующим протестом:

"Римское собрание, взволнованное угрозой занятия республиканской территории, убежденное, что это занятие, не вызванное отношением Рима к Франции и которому отнюдь не предшествовало какое бы то ни было извещение со стороны французского правительства, может иметь последствием анархию в стране, теперь спокойной, хорошо управляемой и опирающейся на сознание своих прав и согласие своих сограждан; что это занятие нарушает в то же время права людей, желания французской нации, выраженные в ее конституции, и братские отношения, которые должны связывать две республики, – протестует во имя Бога и народа против этого неожиданного нашествия, объявляет свое твердое решение сопротивляться и возлагает на Францию ответственность за все последствия".

Появление этого протеста вполне оправдывалось положением дел. Занятие Чивитавеккьи оказалось только первым актом французского вмешательства, а главной целью его было занятие Рима. Это стало вполне очевидным после воззвания Удино на другой день по высадке французов в Италии.

“Римские граждане! – говорилось в этом воззвании. – Корпус французской армии высадился на вашей территории. Он не имеет целью ни причинять вам притеснений, ни навязывать вам правительства, нежелательного для вас. Напротив, он намерен охранять вас от серьезнейших несчастий.

Политические события в Европе делают неизбежным появление иностранного знамени в столице христианского мира. Французская республика, внося свое знамя раньше других, выражает тем блестящее доказательство своей симпатии к римской нации.

Примите нас как братьев, мы оправдаем это имя. Мы будем уважать ваши личности и имущество, мы покроем все ваши издержки и таким образом договоримся с существующими властями, дабы наша временная оккупация не причинила вам никакого стеснения. Мы будем уважать военную честь ваших войск, повсюду присоединяя их к нашим для обеспечения порядка и свободы.

Римляне! Мое личное расположение принадлежит вам, если вы послушаетесь моего голоса. Если вы доверитесь моему слову, я всецело посвящу себя интересам вашего прекрасного отечества”.

Между тем намерение Римской республики сопротивляться становилось все более несомненным. В положении французов тоже происходит перемена. В Чивитавеккье объявили осадное положение, заняли крепость, обезоружили итальянский гарнизон и арестовали сто пятьдесят ящиков с ружьями, которые направлялись в Рим. В то же время муниципальным властям запретили собираться для политических обсуждений. На этот раз протестуют уже в Чивитавеккье... Префект Мануччи издал прокламацию, в которой указывал на несогласуемость мирных заявлений с последними мерами Удино, и заявил, что уступает только силе. Вслед за этим Мануччи был арестован и заключен в крепость, потому что французы перехватили его переписку с римскими властями.

Готовилось наступление на Рим. Из Гаэты, где находился папа Пий IX, писали, что французов встретят в Риме с распростертыми объятиями, а триумвиры, со своей стороны, обещали энергичное сопротивление. Что касается Удино, то он больше верил первому, чем второму, и 30 апреля подступил к столице республики. Однако ожидания генерала не оправдались: римляне, с помощью Гарибальди, оказали такое сильное сопротивление, что французы отступили с потерями.

Весть об этом подняла в Париже целую бурю. Национальное собрание грозило свергнуть не только министерство, но самого президента республики, будущего императора Наполеона III. Как

показали дебаты, собрание допускало занятие Чивитавеккьи даже силою, но затем предполагало выжидание, а не поход на Рим. Поэтому оно пригласило правительство принять необходимые меры, чтобы экспедиция в Италию не отклонялась более от поставленной цели. Таково же было и мнение Одилона Барро.

“Движимые этим чувством, – говорил он, – чтобы узнать истинное положение вещей от лиц беспристрастных, чтобы внести на самый театр действий экспедиции истинное выражение мысли национального собрания и правительства как относительно цели, так и относительно характера, который должна, до конца и при всех обстоятельствах, сохранять французская экспедиция, мы посылаем, по решению кабинета и по совету правительства, человека, пользующегося полным нашим доверием, испытанного нами в тяжелых обстоятельствах и всегда служившего делу свободы и человечества, – господина Лессепса, если вам угодно знать это имя”.

Действительно, Лессепс не отказался от этого поручения, хотя положение его в Италии обещало быть нелегким и к тому же стесненным той инструкцией, которою снабдило его министерство иностранных дел. Эта инструкция предписывала ему наладить отношения с Римской республикой, избегая, в то же время, всякого выражения, которое могло бы дать повод этой республике предполагать, что Франция признает ее как государство. Необходимо было, наконец, избегать всего, что способно было вызвать неудовольствие папы. А между тем его святейшество еще ничего не высказал до этого времени относительно того, какого образа правления рассчитывал он придерживаться на случай своего возвращения в Рим в качестве государя, и, по-видимому, желал возвратиться к тем порядкам, которые привели его к бегству из Рима. Таков был гордиев узел, который приходилось распутывать Лессепсу. На самом деле этот узел был гораздо сложнее, чем могло показаться на первый взгляд, хотя и тогда он был очень сложен. Прежде всего, конечно, существовала необходимость в прекращении враждебных действий с обеих сторон, а потому сразу же по приезде Лессепс явился к Удино и, ознакомив генерала с оценкой, которой подвергла палата его наступление на Рим, попросил остановить осадные работы. Затем, как только стало рассветать, Лессепс поехал в Рим. Город пришлось объезжать кругом, потому что все ворота были заперты, а стоявшие на городских стенах часовые брали ружья на прицел и опускали их, только увидев белый платок на палке кучера. Наконец одни ворота отворились, и Лессепса впустили. Большинство населения, как заметил Лессепс, еще не забыло нападения французов 30 августа и поэтому было

настроено воинственно, другие требовали признания республики, третьи рассчитывали на революцию в самой Франции, и, наконец, были такие группы, которые готовы были передать город французам. В общем, Лессепс еще более убедился в необходимости осторожности и поспешил еще раз договориться об этом с Удино. “Нам необходимо, – писал он начальнику французского корпуса, – хорошо представить себе наше положение, ничего не ускорять и не возлагать на наше правительство задач, противных цели, которую оно объявило в манифесте в начале экспедиции и которую оно подтвердило в новой декларации, наконец, противных воле Национального собрания. Со своей стороны, я серьезным образом увеличил бы свою ответственность, если бы не употребил всех своих усилий, чтобы убедить Вас отложить враждебные действия и всякую демонстрацию, способную их вызвать, пока я не увижусь с Вами и не сообщу Вам о положении вещей, каким оно мне покажется”.

Чтобы прийти к соглашению и в то же время избежать прямых контактов с римскими властями, что было бы косвенным признанием их, Лессепс предложил римскому национальному собранию избрать депутатов для переговоров с Удино. Ускорение этого соглашения было необходимо, потому что, как заметил Лессепс, во французской армии существовала сильная партия, не желавшая примирения под стенами города. Сам Удино был, пока тайным, приверженцем и руководителем этой партии. Составленный Лессепсом проект соглашения содержал три следующих пункта:

1. Французская армия не будет препятствовать связям Рима с другими частями римских провинций.

2. Римляне примут французскую армию как дружественную.

3. Действующая в Риме исполнительная власть прекратит свои функции. Она будет заменена временным правительством, составленным из римских граждан по назначению римского национального собрания, впредь до того момента, когда придется обратиться к воле народа и когда сенат выскажется в пользу какой-либо формы правления и о гарантиях в пользу католичества и папства.

Из объяснений с римскими властями Лессепс увидел, что этот проект не может быть принят Римом, тем более что третий параграф его находился в явном противоречии с обещаниями французских прокламаций не вмешиваться в политическую жизнь провинций. Пришлось составить вторую редакцию соглашения, также состоящую из трех параграфов:

1. Римские провинции провозглашают братский протекторат Французской республики.

2. Римское население имеет право свободно высказаться о форме правления.

3. Рим примет французскую армию как дружественную. Французские войска совместно с итальянскими будут нести сторожевую службу в городе. Римские власти продолжают исполнение своих обязанностей согласно с их законными полномочиями.

Однако и эта редакция не была принята триумвирами. Они говорили, что в этом новом договоре не содержится никаких гарантий свободы и независимости римских провинций и что, наконец, занятие Рима противоречит желаниям населения. Триумвиры указывали в то же время на трудность прийти к соглашению, пока французы продолжают готовить осаду. Тем не менее, они обещали прислать свои контрпредложения, однако так как Лессепс не получал обещанного, то объявил, что прерывает сношения с Римом и что через восемь дней французы начнут осаду. К величайшему своему удивлению, он получил ответ, что переговоры на самом деле продолжаются, но не с ним, а с генералом Удино. Он познакомился при этом и с самим проектом соглашения, которого, однако, не мог принять, потому что в нем упоминалась Римская республика. Очевидно, что римляне затягивали переговоры и хотели выставить Лессепса виновником их провала. Это настроение сообщалось и населению города. На Лессепса было сделано покушение, не удавшееся только благодаря извещению когда-то спасенного посланником политического преступника. В то же время среди французского войска, или, вернее, в штабе французских офицеров, все сильнее обозначалось нежелание сохранять перемирие, которое казалось оскорбительным перед стенами Рима. Именно так смотрел на дело сам генерал Удино, и Лессепсу опять пришлось призывать его к терпению.

“Воинская честь, – писал он Удино, – мне дорога не менее, чем Вам, господин генерал, но я также принимаю во внимание устные и письменные инструкции моего правительства и общественное мнение Франции. Желаете ли Вы, да или нет, войти в Рим силою и начать атаку, не будучи вызваны на нее и не получив формального приказа? Если Вы достигнете ворот Рима и разрушите пушками его стены, каким образом займете вы город? Нужно ли сейчас же предупредить живущих в Риме французов, чтобы они покинули город, если боятся последствий разрыва, и принимаете ли Вы на свою ответственность кровь, которую придется пролить, *чтобы заставить население принять такое покровительство!...*”

Хотя Удино вроде бы уступил настояниям Лессепса, однако

можно было каждую минуту ожидать перемены, тем более что на военном совете только один голос остановил атаку на Рим. Необходимо было спешить с соглашением, и потому Лессепс еще раз обратился с декларацией к римским властям и национальному собранию.

“Принимая во внимание, – говорилось в декларации, – что движение австрийских войск в римские провинции изменяет выжидательное положение французских и римских войск; принимая во внимание, что австрийцы, приближаясь к Риму, могут занять позиции, опасные для французов, что продолжение настоящего положения, на которое согласился, по просьбе французского посланника, генерал Удино, может оказаться губительным для французской армии и что триумвират ничего не ответил на ноту от 26 числа сего месяца мая, нижеподписавшийся, Фердинанд Лессепс, чрезвычайный посол и полномочный министр в Риме от Французской республики, приглашает римских властей и национальное собрание высказаться относительно следующих пунктов:

1. Римляне провозглашают протекторат Французской республики.

2. Франция не отнимает у населения права свободно высказываться о форме правления.

3. Французская армия будет принята римлянами как дружественная. Она займет пункты, которые сочтет удобными как для защиты страны, так и для здоровья войска. Она не будет вмешиваться в административные дела.

4. Французская республика гарантирует защиту территории, занятой ее войсками, против какого бы то ни было иностранного нашествия.

В заключение нижеподписавшийся, в согласии с генералом Удино, объявляет, что в случае, если вышеприведенные пункты не будут приняты немедленно, он будет считать свою миссию оконченной и французской армии будет возвращена полная свобода действия”.

Этот документ, помеченный 29 мая 1849 года, подписан Лессепсом и Удино. Между посланником и генералом, таким образом, существовало согласие, и оставалось ожидать ответа из Рима. А между тем в ночь с 29 на 30 мая Лессепс вдруг узнает о движении во французском лагере.

Все дело могло быть испорчено этой переменой в положении войска, и вот Лессепс спешит к генералу, но там его встречают угрозой арестовать и доводят до готовности пустить в ход оружие... Войска уже заняли возвышенность Monte Mario, но так как Удино все-таки согласился не двигаться дальше, то Лессепс

отправился в Рим уладить недоразумение. Ему удалось объяснить перемену в диспозиции французской армии как меру, вызванную приближением австрийцев, и наконец добиться соглашения – с тем лишь изменением, что римляне открывали город не для всей французской армии, а только для Удино с необходимым количеством свиты. Довольный и этим результатом, Лессепс посылает проект договора к Удино и вдруг узнает о протесте генерала.

“Господа триумвиры, – писал Удино к представителям Римской республики, – я имел честь известить вас, что принимаю со своей стороны ультиматум, переданный вам г-ном Лессепсом 29 мая.

К величайшему моему изумлению, г-н Лессепс доставил мне по возвращении из Рима род конвенции, совершенно противной духу и основаниям ультиматума. Я убежден, что, подписывая ее, г-н Лессепс превысил свои полномочия.

Инструкции, полученные мною от моего правительства, запрещают мне формально присоединяться к этому акту. Я считаю его несостоявшимся и вменяю себе в обязанность известить вас об этом немедля”.

Упоминание Удино об инструкциях, полученных им от правительства, лишало Лессепса всякой опоры в действиях. Дело в том, что среди затруднений и столкновений с начальником экспедиционного корпуса он несколько раз обращался с запросами в Париж и всякий раз не получал ответа. Теперь он опять известил министра иностранных дел о своем ложном положении и получил такую телеграмму:

“Правительство республики считает вашу миссию оконченной. Благоволите вернуться во Францию сейчас по получении этой депеши”.

5 июня Лессепс уже был в Париже, в роли человека, желавшего исполнить не возложенное на него поручение... Все, что говорилось в Национальном собрании перед его отъездом в Италию, было забыто, как не было и самого Национального собрания, смененного Законодательным. Лессепса выставляли сумасшедшим и даже печатно заявили об этом в газете “Век”, потому что он хотел исполнить желание французской нации о сохранении в Риме демократических учреждений, а в инструкции министра без его ведома его намерение сформулировали таким образом: *“Делать все, что может ускорить падение режима, силой вещей осужденного на гибель”.* Таким режимом, осужденным на гибель, была в это время и сама Французская республика – вот где разгадка оборота, который получила миссия Лессепса в Риме. Его столкновение с Удино изображало собою в миниатюре уже

назревавшую во Франции борьбу реакционеров с либералами, – борьбу, финалом которой была Вторая империя. Все попытки Лессепса оправдать свои действия, доказать, что эти действия были точным исполнением данных ему инструкций, ни к чему не привели, и Лессепсу было объявлено порицание. С этих пор он прощается с дипломатической карьерой. По словам Пинара, наступление Второй империи он встретил недружелюбно, и если это так, то это – единственный случай, когда Лессепс обнаруживает свои симпатии в политике. Едва ли не подействовала в данном случае горечь человека, отброшенного в сторону, несмотря на заслуги. Во всяком случае, это было исключением из правила, а правилом было: всякое правительство хорошо, при котором хорошо живется. Этим объясняется беспартийность Лессепса и постоянная готовность помочь и спасти. Aperire terram gentibus (покорить землю людям) – вот девиз Лессепса. В области политики он примыкал именно к такого рода дипломатам, и потому мы так часто видим его в роли миротворца и никогда – сторонником какой-нибудь политической доктрины, неумолимо сметающей со своей дороги сторонников других убеждений. Aperire terram gentibus – это значит примирить, это значит приспособить землю к потребностям человека и тем увеличить сумму человеческого счастья. Конечно, и каждый доктринер стремится к тому же, но они сулят это счастье где-то далеко, когда адресаты этих обещаний уже лягут в могилы. Политиков вроде Лессепса можно укорить, напротив, в неимении широкого политического плана, но у них всегда найдется капля елея для страждущего, которому не суждено увидеть обетованную землю. Поэтому не удивителен переход Лессепса от такого рода деятельности к другой, на первый взгляд совершенно чуждой первой, в действительности же – следующей тому же девизу: aperire terram gentibus.

Глава III. В гостях у Хедива

Лепер и Лессепс. – Жизнь в Лашенэ и мечты о канале. – Первые попытки осуществить проект. – Неудача. – Хлопоты по хозяйству. – Известие о смерти Абасса-паши. – Лессепс поздравляет нового хедива. – Ответ Саида. – Приезд Лессепса в Александрию. – Прием. – Свидание с хедивом. – Поездка в пустыню. – Исторический день. – Записки Лессепса о канале. – В Каире

Занимая консульский пост в Александрии, Лессепс очень часто ездил во Францию и обратно. В одну из таких поездок его задержали в карантине у самой Александрии. Чтобы убить время, он попросил своего коллегу по консульству прислать ему что-нибудь для чтения и среди прочего получил книгу Лепера, в которой трактовалось о прорытии Суэцкого перешейка. Лессепс с увлечением прочел эту книгу, и с этой поры идея Лепера стала его собственной и все больше и больше овладевала его фантазией. Оставшись не у дел в 1849 году, он удалился в Лашенэ, имение своей тещи, госпожи Деламаль. Он хлопочет здесь по хозяйству, но мысль его – постоянно в Египте, над песчаной полосой, отделяющей Красное море от Средиземного. После тревожной жизни дипломата, в глуши деревни эта мысль становится почти тиранической idee-fixe. Лессепс набрасывает наконец записку об этом предприятии, его друг переводит ее на арабский язык. Начинается зондирование почвы в Египте вокруг хедива Абасса-паши. Тщетная надежда!... Хедив не согласен. Лессепс обращается к Порте, но там его отсылают к хедиву. Проект отбрасывается в сторону, Лессепс еще сильнее ухватывается за сельское хозяйство и постройку образцовой фермы.

В середине сентября 1854 года он по горло занят этими работами, окруженный каменщиками и плотниками. Приходит посыльный с почтой. Дело обычное: рабочие не спеша передают один от другого корреспонденцию и газеты – и так до Лессепса на леса. Лессепс тоже, не покидая работы, пересматривает почту и вдруг читает: Абасс-паша умер, его преемник – Магомет-Саид... Он бросил работы и поспешил домой, чтобы поздравить нового владыку Египта, своего бывшего друга. Он написал Саиду, что живет на свободе, в тиши деревни и будет рад увидеть его, когда он вернется из Турции. Ответ не замедлил – хедив ждет Лессепса в первых числах ноября.

7 ноября 1854 года в восемь часов утра пакетбот “Ликург” доставил Лессепса в Александрию. На берегу путешественника

ожидали морской министр Гафуз-паша, старый приятель, голландский консул и придворная карета. Лессепса повезли в загородную виллу хедива, верстах в четырех от Александрии, на берегу канала Махмудиэ. Почести этим не кончились. На лестнице виллы стояли шпалерами слуги и приветствовали Лессепса по-египетски, опуская правую руку до земли и затем поднимая ко лбу. Немного позже явились сановники. “Не изменился ли Саид?” – думалось Лессепсу, и он очень ловко разведал у придворных о вкусах хедива, умственных наклонностях, приближенных, “обо всем, как говорит он, что нужно знать, когда делаешься гостем принца...” Оказалось, что Саид не забыл приятеля, много говорил о нем в ожидании приезда и теперь собирается взять с собою на военную прогулку в Каир во главе десятитысячного войска.

Наконец Лессепсу доложили, что хедив примет его в полдень во дворце Габбари. Как опытный дипломат, Лессепс помнил, что даже на сердце друга может хорошо подействовать фимиам лести. Он разукрасился знаками отличия и в назначенный час отправился к хедиву. Саид встретил его с восторгом. Этикет был отброшен. Контраст между прошлым и настоящим еще стоял перед глазами хедива, и он с оживлением говорил о своем минувшем, о притеснениях отца, о покровительстве Лессепса, наконец, о своем желании осчастливить Египет. Лессепс очень тонко поддерживал священный огонь этого желания: пусть разгорается – когда настанет момент, он развернет перед Саид ом проект канала...

Лессепс вернулся к себе в одиннадцать часов вечера. По роскошной освещенной лестнице он поднялся, поддерживаемый курьерами, и, хотя не нуждался в этом, все-таки с напускным хладнокровием отдался в их руки, “как друг государя, привыкший к этим знакам почтения”.

О канале разговора с хедивом все еще не было. Лессепсу было известно, что отец хедива был против и что сын почти того же мнения. Однако он не оставлял надежды и посвящал в свою тайну придворных хедива.

13 ноября началась военная прогулка. Хедив был уже в походе, когда Лессепс покинул свою виллу в шестом часу утра. Он ехал на лошади, ответном подарке хедива на подарок Лессепса (револьверы, бывшие в то время новостью в Египте). Другую лошадь вели под уздцы. За ними шли два верблюда с багажом, два каваса на лошадях и два саиса пешком. Рядом с Лессепсом ехал паша Зюльфикар. Верный идее, Лессепс говорил о канале.

Погода благоприятствовала дороге. Небо чуть

затуманивалось. Чуть заметный морской ветерок освежал лицо. Кругом лежала песчаная равнина, глубоко взрезанная колесами только что проехавшей египетской артиллерии. В 11 часов путники перекусили, не слезая с лошадей, шоколадом, которым вместо оружия набили пистолетные кобуры. В половине третьего они достигли первой стоянки хедива и войска.

Хедив отдыхал. Рядом с его палаткой была поставлена другая для Лессепса и Зюльфикара. Две железные кровати с хорошим матрацем под шелковым ватным одеялом, на полу циновка, два складных стула и стол из красного дерева – таково было убранство палатки. Прибывшим подали кофе и трубки. Затем внесли тазы и серебряные умывальники. Когда гости умылись, их опрыскали розовой водой и подали завтрак. Вместо стола принесли род подноса на ножках. Ножей и вилок не было, и Лессепс уже хотел приняться за пищу руками, когда ему предложили вилку, нож и тарелку севрского фарфора. Повинуясь воле пророка, пили воду, но воду прекрасную, с кусочками льда.

Грохот музыки возвестил, что хедив проснулся. Лессепс поспешил из палатки, Саид выходил из своей. Он был весел. Ему удалось переправить артиллерию через озеро, тогда как всем это казалось невозможным. Беседа продолжалась, благодаря стараниям француза, о новых мерах, о счастии Египта. Все это вело к тому, о чем пока еще умалчивалось.

Стоянка затянулась на три дня. Ожидали прибытия двух полков пехоты и двух – кавалерии. 14 ноября по деревенской привычке, а отчасти под влиянием пробуждавшейся лагерной жизни, Лессепс поднялся в пять часов утра. Солдаты выходили из палаток. Небо было чисто и еще покрыто звездами. Луна озаряла равнину, обнаженную, но не лишенную прелести. Послышался голос хедива, и Лессепс пошел к нему. После трубок и кофе им подали лошадей, чтобы ехать навстречу наступавшим полкам. Затем был смотр, стрельба египетских артиллеристов в цель – что ни выстрел, то мимо, – и наступила ночь... И тут и там загорелись бивачные огни. Музыканты хедива наигрывали марши всех стран. У палаток собирались кружки. Слышалось пение и мерные удары руками... Среди этой мирной идиллии хедив хандрил по случаю промахов своих артиллеристов. Он заперся в палатке, отказавшись от пищи. Лессепс обедал один с Зюльфикаром.

На следующий день он встал по-прежнему рано. В пять часов утра он был уже на ногах и в ночном костюме умывался перед палаткой, “как верный мусульманин”. Лагерь начинал пробуждаться. В воздухе свежело перед рассветом. Лессепс ушел в палатку, чтобы одеться потеплее, и вернулся полюбоваться восходом. Восток был ясен, запад омрачали тучи. Вот несколько

лучей позолотили небо, и вдруг напротив загорелась яркая радуга, перекинувшись от юга на север. “Признаюсь, – говорит об этом Лессепс, – у меня сердце забилось сильнее, потребовалось усилие с моей стороны, чтобы остановить полет воображения, которое видело в этом знак союза, упоминаемый Библией, и затем действительный союз Востока с Западом и день, назначенный для успеха моего проекта”.

Из этих размышлений Лессепса вывел голос хедива. Саид был оживлен – и у него был свой проект. Ему захотелось обозреть свое войско с окрестных холмов. Он звал с собою Лессепса. Оба сели на лошадей и поскакали к холмам по согревавшейся равнине; небольшая свита и батарея – следом за ними. Остановились у каких-то развалин. Место понравилось хедиву; глаз достигал далеко, пустыня сбегала отсюда, слегка холмясь, и наконец расстилалась, как море. Саид приказал перенести сюда свою палатку и привезти дилижанс, род походной спальни, которую тащили полдюжины мулов. Затем он уселся с Лессепсом в тени этой махины. Стрелки сложили перед ними бруствер из камня, сделали в нем амбразуру и приладили к ней пушку. Сайд становился все веселей и оживленней. Когда вдали показались темные массы египтян, он приказал дать салют: хедив приветствует войско. С прибытием армии свита увеличилась генералами. Все были в каком-то приподнятом настроении, зараженные веселостью хедива. Часы показывали десять – время завтрака. Лессепс сел на лошадь и, салютуя Саиду, заставил ее перескочить через бруствер. Это всех удивило и всем понравилось. Лессепс как будто вырос в глазах хедива и свиты, и сам довольный произведенным эффектом, он продолжал дорогу к своей палатке. Он чувствовал, что если судьба проекта решится не сегодня, то тогда уже очень нескоро, быть может никогда.

В пять часов вечера он вернулся к хедиву. Подъезжая, он опять перескочил через преграду, и с тем же эффектом. Расположение духа Саида не изменилось. Он был по-прежнему весел и улыбался. Он усадил Лессепса рядом с собою на диван и долго пожимал ему руку. Они были одни. Вечерело. В отверстие палатки виднелся запад, озаренный закатом. Это напомнило Лессепсу зрелище утра. Он чувствовал твердость и спокойствие и решил приступить к серьезной беседе... Он начал излагать хедиву проект, который от долгих размышлений представлял себе отчетливо, в ярких красках. Магомет-Саид слушал с интересом. Когда Лессепс окончил изложение и попросил замечаний, хедив сделал их как человек, схвативший суть дела, и затем сказал: *“Я убедился. Я принимаю ваш план. О средствах его исполнения мы потолкуем дорогой. Это дело решенное, вы можете положиться на*

меня”.

15 ноября 1854 года Лессепс представил хедиву записку о канале.

“Соединение Средиземного моря с Красным, – говорилось в записке, – посредством мореходного канала представляет собою предприятие, польза которого привлекала к себе внимание всех великих людей, царивших или временно господствовавших в Египте: Сезостриса, Александра, Цезаря, арабского завоевателя Амру, Наполеона I и Магомета-Али.

Соединительный канал между Нилом и обоими морями существовал уже в древности: *в первый период,* период, неизвестный по продолжительности, при древних египетских династиях; в течение *второго периода* – 445 лет со времени первых преемников Александра и римского владычества за четыре века до Магомета и, наконец, в течение *третьего* – 130 лет после завоевания Египта арабами.

Прибыв в Египет, Наполеон приказал комиссии инженеров заняться вопросом, нельзя ли восстановить или улучшить этот путь сообщения. Вопрос был решен утвердительно, и когда Лепер передал Наполеону доклад комиссии, то получил ответ: “Дело великое, не мне, однако, заниматься его исполнением. Со временем турецкое правительство покроет себя славою, осуществив этот проект”.

Настал момент исполнить предсказание Наполеона...” Эта искусно составленная записка несомненно должна была польстить самолюбию хедива. Принимая ее, он становился как бы преемником великих людей, своих предшественников, и сам выдвигался в ряды великих. С этих пор он – решительный и неуклонный сторонник Лессепса. Здесь сказался отчасти и постоянный антагонизм Египта с Турцией, затаенное, под видом покорности, стремление к независимости. Немудрено поэтому, что дело двигалось вначале очень быстро и при постоянном участии хедива.

24 ноября, уже в Каире, Лессепс, по совету хедива, побывал у консулов держав и познакомил их с проектом. В принципе все соглашались, лишь консул Англии ответил, что не имеет инструкций. Однако этих инструкций не ждали. 25 ноября, во время приема, хедив объявил, что решил прорыть перешеек. Он при всех обласкал Лессепса, и когда тот – частное лицо – уезжал с приема, то действительно мог себя чувствовать особой. Он уехал из дворца в парадной карете, запряженной четверкой белых лошадей. По узким улицам Каира неслись рысью. Когда встречались прохожие или толпа у лавок стесняла дорогу, кучер не жалел кнута, несмотря на запреты Лессепса. Протестов,

впрочем, не было. Для этих воспитанников деспотизма это было обычно, в порядке вещей, и даже более того: отведав кнута, они умилялись и восклицали: “Макаллах (слава Всевышнему)! Должно быть, важный господин”.

Глава IV. Суэцкий перешеек

Прошлое перешейка. – Канал фараона Нехоса. – Свидетельство Геродота. – Диодор Сицилийский о том же. – Известие Страбона. – Причина разногласий историков. – Канал при Клеопатре и римских императорах. – Отношение к нему арабов. – Свидетельства Шемс-Эддина и Эль-Макризи. – Запустение канала. – Оживление интереса к нему. – Проект Лепера. – Ошибка в нивелировке. – Мнение Лепера о морском канале. – Проекты Талабо и Барро. – Отношение Лессепса к проекту Лепера. – Разведка. – Исторические памятники Суэцкого перешейка. – Общий вид местности. – Предварительный проект канала. – Международная комиссия и ее поправки. – Пресноводный канал. – Суэцкая компания

В настоящее время оба моря, Средиземное и Красное, разделяет полоса земли в один градус шириною. Когда-то это расстояние было короче и даже вовсе не существовало: оба моря сливались проливом. Но мало-помалу наносы с обеих сторон, особенно по линии удара противоположных течений, образовали сперва мели, затем острова и, наконец, перешеек. Что это так, об этом можно судить по грунту и по разрезу перешейка. Грунт песчаный, с обильным содержанием раковин, и теперь находимых в обоих морях. Разрез перешейка с юга на север представляет из себя два ската с падением к морям; разрез с востока на запад – это тоже два ската с падением к середине перешейка.

Существовал период уже после разъединения морей, когда разливы Нила почти встречались с приливами Красного моря. Дно озера Тимсах представляет собой попеременные наслоения нильского ила и соли Красного моря. Сама природа, таким образом, наводила на мысль о соединении этих бассейнов, а потому немудрено, что исполнение этой мысли осуществилось задолго до нашего времени.

По словам Геродота, почин канала принадлежал фараону Нехосу (616 – 601 гг. до Р. Х.), сыну Псамметиха, тому самому, при котором финикияне объехали Африку.

“Этот канал, – говорит Геродот, – длиною в четыре дня морского пути и настолько широк, что могут свободно разъехаться две триремы. Вода, которой он наполнен, – из Нила и вступает в него выше Бубаста. Он достигает Эритрейского (Красного) моря у Патюмоса, аравийского города. Он начинается на равнине, направляется сначала с запада на восток, проходит через горное ущелье и поворачивает к югу в Аравийский залив. В царствование Нехоса 120 тысяч человек погибло на работах.

Однако фараон остановил предприятие, получив ответ оракула, что трудится для врагов".

Окончание этого канала приписывают Дарию I после персидского завоевания Египта. Впрочем, древние историки не сходятся в этом. По словам Диодора Сицилийского, Дарий вовсе не закончил канала. Его испугали инженеры, объявив, что бассейн Красного моря выше бассейна Нила и, когда канал будет закончен, Египет будет затоплен морем. Согласно этому известию, канал был доведен до конца при Лагидах, Птолемеем II, будучи при этом искусно шлюзован.

У Страбона читаем другое. Он относит осуществление канала еще ко временам Троянской войны (осуществление неполное, окончательно завершенное при Птоломеях) и говорит, что он начинался у Пелузы в дельте Нила, или, иначе говоря, *соединял Красное море со Средиземным.* Остановки работ происходили, между прочим, из боязни испортить воды Нила, потому что общее убеждение древних было, что уровень Красного моря значительно выше уровня Нила. Чтобы избегнуть этого несчастия, начало канала у Нила отодвигалось к верхнему течению реки, что давало возможность уравнять высоты бассейнов.

Разноречие историков в вопросе, когда и кем было начато и закончено строительство канала, приходится объяснить тем обстоятельством, что работы велись с остановками в силу различных соображений – то технических, то политических. А раз эти остановки имели место, природа вступала в свои права, канал высыхал, засорялся песком, и потому его продолжателю приходилось все начинать сначала. Одно несомненно – канал действительно существовал. Не мог же, в самом деле, ошибиться Геродот, путешествовавший по Египту, видевший все своими глазами и вообще имеющий славу правдивого историка. Не будь, однако, письменных документов, существование канала в давно минувшее время все равно подтвердилось бы изучением местности. В бассейне Нила у Бубаста и теперь находят остатки затвердевших, как скала, каменных частей канала, такие же следы в пустыне у Красного моря и в самом море у Суэца говорят о том же.

Продолжаем историю канала. По словам Плутарха, Антоний, прибыв в Александрию после битвы при Акциуме, застал Клеопатру за перевозкой "волоком" кораблей через перешеек. Очевидно, канал в эту пору был заброшен или воды Нила стояли низко, и канал обмелел. Как бы ни было, при императорах Траяне и Адриане он был восстановлен.

Ближайшая к нам эпоха его существования – владычество в Египте арабов. По словам арабского историка Шемс-Эддина,

каирский канал (то есть от Каира до Красного моря) был обязан своим началом древнеегипетскому царю Бен-Малие.

“Он достигал, – говорит историк, – города Кользома и проходил близ Суэца, где воды Нила сливались с водами Красного моря. Корабли, нагруженные зерном, спускались по каналу в Аравийский залив. *Омар* приказал очистить и углубить его. С тех пор он назывался каналом владыки верных. Он просуществовал в таком виде 150 лет до калифа из династии Абассидов Абу-Джафара (то есть до 775 *года* по Р. Х.), который приказал закрыть вход в канал из Красного моря”.

Другой арабский писатель Эль-Макризи подтверждает известие Шемс-Эдцина о закрытии канала и дополняет это известие рассказом о его причине. Причина политическая – восстание в Медине и боязнь за целостность Египта.

В XV столетии канал уже не действует и мало-помалу погибает в песках пустыни. Интерес к этому пути из Европы в Азию опять возбуждается в конце прошлого столетия. Во время египетской экспедиции Наполеон поручил ученым, сопровождавшим армию, заняться рассмотрением вопроса о канале. Результатом этих работ был обширный труд Лепера о прорытии перешейка – тот самый, в котором Лессепс почерпнул свою идею.

Остановимся на проекте Лепера. По этому проекту предполагалось проведение двух связанных между собою каналов, одного от Суэца к Нилу, другого – по Нилу до Средиземного моря. Оба канала снабжались шлюзами, потому что мнение древнеегипетских инженеров о значительной разнице между уровнями Нила и Красного моря подтвердилось в отношении и Красного моря, и Средиземного. Нивелировка французских инженеров при египетской экспедиции дала в этом случае результат поразительный. Красное море оказалось на девять метров выше Средиземного. Эта цифра была получена в результате сравнения горизонта высоких вод в первом с горизонтом низких во втором, тем не менее, она возбудила сомнение среди ученых, причем Лаплас положительно отрицал такую разницу. Интерес, вызванный этим редким научным фактом, был так велик, что несколько путешественников нарочно приезжали на перешеек, чтобы убедиться в этом воочию. Английские офицеры вздумали проверить эту цифру. Они обратились к барометру, но он не показывал чувствительной разницы; затем – к кипению воды, но с тем же результатом. Припоминая, что барометром – даже анероидом – нивелируются довольно однообразные по профилю местности, далеко не имеющие точек, превосходящих одна другую на девять метров, и

что кипение воды на такой высоте должно было происходить немногим ниже 80 градусов Реомюра, естественно было прийти к заключению, что французские инженеры ошиблись. Вероятность ошибки обеспечивалась положением исследователей: они работали в стране, враждебно настроенной, спешно и потому без точной проверки как инструментов, так и результатов. Чтобы решить этот вопрос окончательно, в 1847 году – под влиянием Анфантэна, стоявшего за прорытие перешейка, – образовалось общество для изучения Суэцкого перешейка под руководством Бурдалу, известного знатока нивелировки. Общество запаслось точнейшими приборами и, кроме того, разделилось на несколько самостоятельных групп, что давало возможность получить несколько данных для большей точности. В конце концов мнение Лапласа подтвердилось, разница уровней оказалась всего в два метра, что при расстоянии сравниваемых пунктов почти не имело значения.

Ошибка в семь метров, конечно, не умаляет заслуг Лепера как автора проекта. Она, без сомнения, повлияла бы на стоимость сооружения, потому что требовала устройства шлюзов, но, будучи верно рассчитан, проект Лепера представлял целое, вполне разработанное в деталях. Леперу принадлежит, кроме того, и мысль о прямом сообщении морей – от Суэца к Пелузе.

“Мы полагаем, – говорит он, – что канал, устроенный в этом направлении, *давал бы преимущества, которых не имел бы внутренний канал* (то есть через Нил). В самом деле, навигация на нем была бы непрерывная, не зависела бы от разлития Нила, и к тому же было бы легко поддерживать в нем постоянный уровень и глубину более значительную, чем в первом канале, посредством питательного бассейна Горьких озер”.

Кроме проекта Лепера, существовали также более поздние проекты Талабо и братьев Барро. Главным недостатком обоих было их направление через Нил – правда, не по руслу, а наперерез, – однако и в этом случае предстояла надобность регулировать капризное течение Нила с весьма слабым расчетом на успех. Что касается проекта Лессепса, то он являлся *развитием идеи Лепера* о прямом морском сообщении.

Детальная разработка этого проекта началась в конце декабря 1854 года. Предполагалось идти от Суэца, осмотреть его гавань и затем направиться на север к Пелузе. Разведку вели Лессепс и два французских инженера на египетской службе, Ленан и Мужель. Когда они вступили на землю пустыни, Лессепса невольно охватили библейские воспоминания. Он перечитывал на досуге рассказы о путешествии евреев в обетованную землю, об огненном столпе, о манне и горьких водах. Как ни давно это

было, страна еще хранила черты прошедшего. Огненный столп еще существовал, это – “макаллах” арабов, передовой отряд караванов, освещающий факелами ночную дорогу. Существовали горькие воды и дерево, арак, которым пастухи смягчали их горечь, подобно Моисею, а тамариск и доныне сыплет на землю сок своих листьев – библейскую манну...

Остатки египетских работ вызывали и другие воспоминания. В суэцкой бухте и сразу за Суэцем в пустыне путники нашли следы канала древних египтян. Он был виден только местами, но сохранял еще ширину в 70 локтей, о которой говорит Геродот. Отсюда местность медленно поднимается, образуя Шалуфский вал и спускаясь к бассейну Горьких озер. Затем до озера Тимсаха тянется вал Серапеум с наивысшей точкой в восемь сажен. К северу отсюда лежит котловина Тимсаха. Это озеро порой высыхает, а наполняясь водою до уровня моря, оно имеет шесть верст в длину, 28 в окружности и семь метров глубины. На 75-й версте от Средиземного моря до 60-й тянется поперечная песчаная полоса, или порог Эль-Гиср. Высшая точка его – 20 метров над уровнем моря. Отсюда местность опять постепенно понижается вплоть до Пелузского залива. В течение полугода большая часть ее затоплена лежащими здесь озерами Биллах и Мензалех.

Геологическое строение перешейка в направлении разведки оказалось таким: верхний слой, от одного до двух метров, песок, затем суглинок, мергель и пластическая глина. Самым глубоким слоем была глина, она же составляла дно Красного моря, а в заливе Пелузы – песок.

Направление канала определилось так. Начало у Суэца – прямо на север, затем – поворот на северо-запад к Горьким озерам. Канал идет по их бассейну без откосов, но в сваях. Выходя отсюда, он прорезает вал Серапеум, озеро Тимсах, порог Эль-Гиср, проходит через озеро Биллах и восточную часть Мензалеха и, наконец, у Пелузы соединяется с морем. Общая длина его предполагалась 150 километров, ширина по водной поверхности 100 метров и несколько уже в разрезах валов. Глубина на всем протяжении одна – 6,5 метра ниже уровня низких вод Средиземного моря. В Пелузе и Суэце проектировались шлюзы и дамбы после выхода канала из шлюзов. Устройство шлюзов имело целью, во-первых, поддерживать в канале общий уровень на полтора метра выше низких вод, а во-вторых – предупреждать засорение песком. Общая выемка земли исчислялась в 74 миллиона кубических метров, из них 17 сухой и 57 из-под воды.

В таком виде проект канала был представлен на рассмотрение созванной для этого международной комиссии. В

виде поправок комиссия отвергла шлюзы, найдя ненужной и невозможной нивелировку уровня при малой разнице в обоих морях высоких и низких вод. Засорение канала песком она признала невозможным. Во-первых, дно Красного моря из глины, во-вторых, в канале всегда будет легкое течение на север (напомним причину: два метра превышения в пользу Красного моря), и это течение не пустит в канал песок из Средиземного моря. С финансовой точки зрения, устранение шлюзов уменьшало расходы предприятия и было желательно, однако это сбережение поглощалось необходимостью, взамен шлюзов, увеличить глубину канала на два метра. Не менее важно было другое изменение в первоначальном проекте. Комиссия признала за лучшее перенести северное устье канала на 28 верст от Пелузы, туда, где потом возникла гавань Порт-Саид, названная в честь хедива Египта.

Таков был в общих чертах окончательный план канала. Остается добавить, что рядом с его сооружением предполагалось и было исполнено сооружение пресноводного канала – для снабжения страны водою и как путь из Египта в Аравийский залив. Общий план этого канала походит на букву Т, если верхнюю черту этой буквы расположить в направлении от севера к югу, параллельно морскому каналу, а нижнюю обратить на запад. Этот канал питается водою из Нила и сделан открытым (с дневной поверхностью) и судоходным от Нила до Суэца, а к Порт-Саиду от Измаилии вода протекала по трубам.

Еще до разработки проекта, фирманом 1854 года, Магомед-Саид разрешил Лессепсу образовать компанию для прорытия перешейка. Компании предоставлялось: производство работ сообразно с целью и планом, занятие двух пунктов у входа и выхода в моря и постройка портов. Компании давалась концессия на восемьдесят девять лет со дня открытия судоходства, без всяких гарантий и ссуд. В виде помощи от Египта ей разрешалось занимать безвозмездно пустующие земли по каналу, но не земли, имевшие хозяев. Пятнадцать процентов чистого дохода она отдавала Египту, не считая процентов и дивиденда на акции, какие окажутся в руках правительства. Затем семьдесят пять процентов поступали в пользу компании и десять – на долю учредителей. Права на земли вдоль пресноводного канала были такие же, как и на прочие, и, наконец, разрешалось эксплуатировать каменоломни в течение десяти лет бесплатно. С окончанием концессии правительство становилось полным хозяином предприятия, вознаграждая компанию за одно лишь движимое имущество – по соглашению или по решению третейского суда.

5 января 1856 года эта концессия была подписана окончательно. Лессепс стал председателем компании; кроме того, был избран совет правления из тридцати двух представителей различных наций и совещательный технический комитет из инженеров, не принимавших участия в постройке. Капитал предприятия в 200 миллионов франков предполагалось реализовать выпуском 400 тысяч акций в 500 франков каждая. Рабочий состав был обеспечен особым договором с Египтом, в силу которого правительство хедива обязывалось присылать на работы феллахов.

Глава V. Суэцкий канал

Оппозиция предприятию. – Письмо Лессепса к английскому посланнику. – Поездка в Англию. – Оппозиция парламента. – Суэцкий заем. – Начало работ. – Свидетельство очевидца. – Остановка предприятия. – Новые хлопоты Лессепса. – Покровительство Наполеона III. – Возобновление работ. – Землекопы компании. – Прорытие валов. – Бассейн Тимсаха. – Смерть Саида. – Нарушение Египтом договора. – Холера. – Паника среди рабочих. – Итог работы 1865 года. – Оживление перешейка. – Шалуфский вал. – Итог работ 1867 года. – Новый заем. – Неудача. – Выигрышный заем. – Открытие канала. – Рассказ очевидца. – Женитьба Лессепса. – Его жилище на перешейке. – Значение Суэцкого канала. – Лавры Лессепса

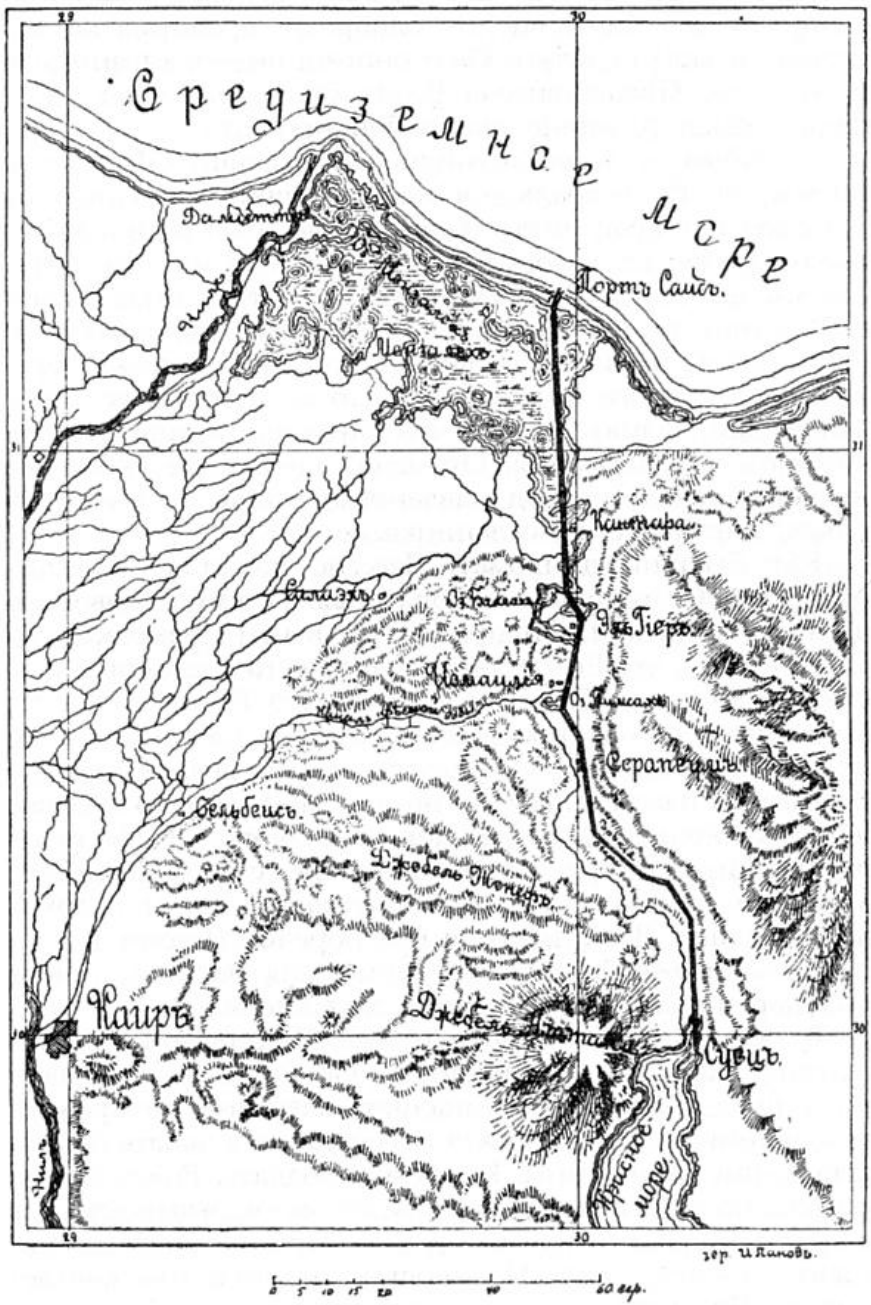
Еще до окончания формальностей концессии Лессепс начинает действовать. Оппозиция уже определилась. Англия видит в прорытии канала французское предприятие и решает тормозить его. От Порты нужно получить утверждение фирмана хедива, но там сочувствуют и... не дают утверждения.

В феврале 1855 года Лессепс в Константинополе. Он пишет оттуда, что министры Порты вообще и великий визирь в частности вполне одобряют предприятие, но ничего не могут сделать. Очаг оппозиции – в английском посольстве. Представитель Великобритании, лорд Стэтфорд Редклиф, лично враждебен проекту.

“Прибыв в Константинополь, – говорит Лессепс в письме от 15 февраля, – я нашел почву свободною от обязательств. Если никто не высказался еще за проект, то никто также не говорит и не действует против него. Первые два дня я старался отдать себе отчет в настоящем положении вещей. Я узнал, что министры вообще и Рашид-паша в частности вполне одобряют проект пересечения Суэцкого перешейка и готовы сделать все приятное для хедива и все, что он хочет, лишь бы не компрометировать себя. От меня, однако, не укрылось, что они находятся под давлением, чтобы не сказать в руках, английского посланника...”

Как бывший дипломат, Лессепс попытался договориться со Стэтфордом и обратился к нему с довольно длинной запиской. Он приступает в ней прямо к делу. Он признает, что Египет – больное место англо-французских отношений. Почему? Потому что Египет – дорога в Индию и на Восток вообще. Будь угодно Создателю проложить туда другую дорогу, не по Египту, вражда исчезла бы навсегда. Но что не сделано Богом, то сделают люди: Суэцкий канал и будет такой дорогой. Пусть он осуществится, и

страна фараонов сойдет с пути на Индию, а спор о владычестве над этой страною ляжет в архив дипломатии... Все эти цветы красноречия Лессепс рассыпал совершенно напрасно – оппозиция росла, и теперь она перенеслась в английский парламент.



Карта Суэцкого канала

В 1857 году, чтобы победить ее, Лессепс приезжает в Англию. На обеде в Голдсмит-Холле Гладстон поздравил его с предприятием, восемнадцать митингов вотировали резолюции в пользу проекта Лессепса, но в палате общин отношение было иным. Когда член палаты Робек сделал запрос, почему интересы человечества оказываются не в ладу с интересами Англии в деле строительства канала, глава кабинета лорд Палмерстон ответил, что считает проект Суэцкого канала “величайшим обманом, какой когда-либо рассчитывался на легковерие и простоту англичан”. По мнению лорда, проект был невозможен ни с технической, ни с финансовой точек зрения, и, хотя Гладстон предлагал палате отказаться от ненужной критики проекта как частного дела, запрос Робека с порицанием кабинету был отвергнут палатой. В английской печати главным противником Лессепса была газета “Таймс”, которая считала его проект невозможным, а если и возможным, то слишком дорогим и трудным, наконец, вообще нерентабельным. Все это было, конечно, простой агитацией во что бы то ни стало, отчасти в интересах торгового класса, всегда склонного к консерватизму и боязни новых направлений в торговле.

Однако, несмотря на оппозицию Англии, дело все-таки, хоть и медленно, подвигалось вперед. В октябре 1858 года была объявлена подписка на суэцкий заем и продолжалась с 5-го по 25 ноября. Результат подписки был довольно жалкий. Во Франции разобрали немногим больше 100 тысяч акций и затем – ни одной. Еще меньше взяла Австрия, с самого начала сочувствовавшая предприятию; наконец, на 24 тысячи подписалась Россия. Фиаско дела казалось неизбежным, но Магомет-Саид взял на себя громадный остаток, и предприятие спасли.

В апреле 1859 года работа уже кипела на севере перешейка. Участок был трудный. Постоянные наводнения сносили постройки и даже людей. В жилищах на сваях одолевали крысы и холод. Рабочие-французы тосковали по родине, и у них опускались руки, рабочие-феллахи не справлялись с машинами. Впрочем, машин было мало, и с самого начала работ стало ясно, что канал не закончат в шесть лет, как обещали. Вот что писал о месте работ один очевидец:

“Мы живем в узкой, низменной песчаной полосе, между Средиземным морем и озером Мензалех. При малейшем ветре волны набегают на песок то с одной, то с другой стороны. Ближайшие от нас населенные местности – Дамиэтта в 60 верстах и Александрия в двух днях расстояния от будущего Порт-Саида. В бурное время всякое сообщение с этими городами прекращается,

а других в окрестности не имеется, если не считать двух-трех рыбацких поселений, разбросанных на берегу Мензалеха. Самые значительные из них – Мотариэ и Мензалех, в которых до двух тысяч жителей, тоже на расстоянии 30 верст от Порт-Саида. Притом единственная провизия, которую можно достать в этих поселениях, – это рыба и сушеная икра. Нам обещают построить деревянные бараки, но пока мы помещаемся в весьма неудобных палатках. В течение дня в этих палатках, находящихся под лучами солнца, – нестерпимый зной, а ночью втягивается сырость и такой холод, что, покрывшись всем своим гардеробом вдобавок к одеялам, не успеваешь согреться. В дополнение всего палатки наполняются в темноте разными земноводными животными, которые сотнями ползают около постели. Роса накопляется на поверхности палатки, которая под тяжестью воды совершенно прогибается и принимает вид воронки".

Одной этой обстановки было достаточно, чтобы сломить энергию среднего по силам человека, каких большинство, и мало-помалу у суэцкой компании сложился такой распорядок: три месяца работы, затем домой на отдых и вновь на работу. Конечно, эта смена была не в интересах дела, и оно, несомненно, тормозилось, пока привыкали новички.

В июне того же года возникла новая преграда. Турция требует остановки работ: сказалось английское влияние. Даже французский консул в Дамиэтте приглашает французских рабочих уехать. Лессепс протестует – напрасно... Франция занята войной, в Александрии – английская эскадра. Положение улучшается только в июле – с заключением мира в Виллафранке между Австрией и Францией. Лессепс спешит в Париж. Старая дружба с императрицей открывает ему доступ в Сен-Клу: 23 октября, в воскресенье, ему дают аудиенцию.

– Отчего же все против вас, господин Лессепс? – был вопрос Наполеона.

– Ваше величество, вероятно, оттого, что и вас считают против, – был ответ дипломата в отставке.

– Хорошо, будьте спокойны, – продолжал император, покручивая усы, – вы можете рассчитывать на мою поддержку и покровительство. Я дам приказ министру иностранных дел поддерживать ваши права и операции.

Действительно, в декабре работы возобновились. Первым делом предполагалось провести канал от Порт-Саида до Кантары, прорезать порог Эль-Гиср и начать пресноводную ветвь. Самой трудной была выемка земли уСредиземного моря. На глубине аршина сейчас же показывалась вода и затопляла работу. Приходилось работать в воде. Арабы и феллахи становились для

этого перпендикулярно к линии канала, средние делали выемку и передавали землю соседям, и так – до откосов канала. Вместо тачек служили те же люди: относили на спине сырую землю. Для этого ряды их становились тылом к каналу, – заложив руки за спину и притом без одежды, – а землекопы накладывали им слегка отжатую руками землю. По мере нагружения рабочий сгибался, грязная вода стекала по его телу, и затем эта живая машина отправлялась на место свалки. Позже им выдали корзины и тачки, но или тачки были плохи, или рабочие не знали, как взяться за них, только и тачки они носили, а не возили. На подмогу людям приходили и машины – прибор Баланда, вроде коромысла на стойке, по которому спускались и поднимались вагончики, то заполняясь, то опорожняясь; наконец, бесконечное полотно, то есть широкая полоса парусины, бегущей по барабанам. Нижний конец этого прибора помещался у выемки и принимал здесь нагрузку, затем вращением барабанов (валов) взбегал к откосу и автоматически сбрасывал землю. Как это ни странно на первый взгляд, ручная работа оказывалась успешнее машинной. Впрочем, рабочих, не говоря о несовершенстве машин, было гораздо больше, более 20 тысяч, не считая европейцев. Не мудрено поэтому, что место работ казалось отдельным государством с десятками контор и управлений, с персоналом врачей при больницах, с мастерскими, заводами и прочим. Здесь и венчали, и крестили, и хоронили; для христиан имелись две часовни, для арабов-мусульман и феллахов – мечеть. Главной заботой компании было снабжение рабочих водою. Пока пресноводный канал еще не достиг морского, эту воду возили миллион восемьсот верблюдов, и все-таки часто воды не хватало. Нередко случалось, что рабочие, завидя такой караван, бросались сами расхватывать воду, при этом, конечно, большая часть ее проливалась; наконец, эти караваны очень часто опаздывали, и народ оставался очень долго совсем без питья.

В исполнении предприятия самым долгим было прорытие валов. Выемку делали отчасти ручным, отчасти машинным способом. Рабочие взрывали холмы лопатами и относили землю в корзинах. Здесь трудились главным образом феллахи, которых прислали из Египта, согласно договору, на повинность. Они являлись артелями со старостой, или шейхом, и получали провиант от компании. Работали они усердно и без ропота, но каждый месяц их сменяли, дабы египетская казна не понесла убытков, если они не успеют обработать своих полей. На этот переход на место работ и обратно в Египет бедняги теряли до десяти дней, а потому можно считать, что их отвлекалось к каналу не 20, а 60 тысяч. Треть этого числа работала, треть

находилась в пути к работам и треть на пути с работ. Особенно тяжелой была работа в жаркое время. Ложе канала накалялось, как печь, люди обливались потом и задыхались. В летнее время в полдень совсем прекращали выемку, но все-таки рабочие изнурялись, и многие из них погибали от тифа.

К осени 1862 года были готовы 68 верст канала. Оставалось восемь верст до озера Тимсаха, их прорыли к середине ноября. Наполнение озера водою было торжественным. Из Каира приехали почетные гости, кругом толпились пестрые массы рабочих и верблюды в красных попонах, с музыкантами на спине. Это было 18 ноября 1862 года.

– От имени его высочества Магомета-Саида, – объявил Лессепс, – повелеваю, чтобы воды Средиземного моря были впущены в озеро Тимсах, и призываю Божию милость.

Рабочие взялись за заступы, плотину постепенно взрыли, и вода хлынула в бассейн озера под гром музыки и пальбу арабов.

С этого времени работы идут быстрее. Пустыня населяется. В Порт-Саиде сто пятьдесят домов, кирпичный завод и мастерские компании, занимающие площадь в 30 тысяч квадратных метров, в Кантаре двадцать пять домов, в Эль-Гисре – тридцать и арабская деревня; повсюду больницы, церкви и магазины.

В самый разгар работ новый удар поразил компанию. 17 января 1863 года умер Магомет-Саид, покровитель Лессепса. Его преемник Измаил-паша отнесся к компании иначе. В этой перемене, несомненно, сказалось новое проявление английских происков. С политической стороны, при поддержке, которую оказывал каналу Наполеон, тормозить предприятие не представлялось возможным, а потому напали на экономическую сторону. Что без препятствий с какой-либо целью дело закончится благополучно, уже не приходилось сомневаться. Морской канал направлялся в эту пору уже к югу от озера Тимсах, а пресноводный подходил к Суэцу. К Порт-Саиду он пролегал по трубам на протяжении 80 верст, на что потребовалось 20 тысяч водопроводных труб. В Кантаре, Эль-Гисре и Порт-Саиде были устроены резервуары, причем о нужном количестве воды извещали по телеграфу. Вся постановка дела была вполне солидная, но Измаила-пашу успели убедить в невыгодности для Египта договора, заключенного компанией с покойным Магометом-Саидом. Прежде всего указали на отрыв феллахов на работы. Это, говорили хедиву, вредит земледелию страны, и вот Измаил-паша объявил компании, что прекращает посылку феллахов. Египту пришлось заплатить 30 миллионов франков штрафа, а компании выписать рабочих из Европы. Это вызывало, конечно, задержку в исполнении предприятия, но так как Лессепс

предвидел такой оборот дела, то особого ущерба не понесли. Однако интриги на этом не прекратились. Нашли другой предлог насолить компании и поставили на вид хедиву, что отдача земель и пресноводного канала в руки суэцкой компании грозит убытками Египту, – и Измаил-паша опять нарушает договор своего предшественника и снова платит 54 миллиона франков штрафа.

В довершение всего летом 1865 года вспыхнула холера. Чтобы не дать разгореться эпидемии, работы сократили сперва на час, потом на два, а рабочим назначили кофе и крепкие напитки. Холера началась в Египте, но слух, что на канале спокойно, привлек к нему пришельцев из Египта, искавших спасения, а вместе с ними – заразу. Рабочих охватила паника. Они бросились бежать в пустыню, к морю, сами не зная куда. Весь путь от Измаилии, городка у Тимсаха в честь хедива Измаила-паши, до Порт-Саида был усеян трупами этих несчастных. Бежала добрая половина рабочих, а из тех, кто остался, уцелело девять десятых. Надо сказать к чести компании, что никто из служащих не бросил дела, и, хотя несколько инженеров и докторов умерли от холеры, все оставались на местах. Сам Лессепс старался, сколько мог, успокоить трусливых, но все его усилия разбивались о невежество рабочих, особенно греков. Так продолжалось три недели, после чего холера прекратилась и мало-помалу все пошло своим чередом.

К концу 1865 года работы сводились к такому итогу:

1. Устроен водопровод от Измаилии до Порт-Саида на протяжении 80 верст со всеми машинами для водоснабжения.

2. Проведен пресноводный и судоходный канал от Нила к Суэцу на протяжении 100 верст, притом со шлюзами.

3. Морской канал проведен с севера до Измаилии и значительно углублен.

Пустынный перешеек оживился, повсюду проходили почта и телеграф, в Порт-Саиде было семь тысяч жителей, в его гавани перебывало 1800 судов под пятнадцатью флагами. Оставалось прорезать Серапеум, Шалуфский вал и двинуться к Суэцу. Для работ на Серапеуме употреблялся локомотив Куврера, нарочно приспособленный для этой цели. Экскаватор, как называлась эта машина, имел три ряда колес и ряд ковшей на боковой части, двигавшихся наподобие четок, один за другим. Ковши устанавливались в плоскости, наклонной к обрыву, и, совершая круговое движение, поочередно захватывали и поднимали землю и затем сбрасывали ее в вагоны, постепенно подходившие к экскаватору. Таких экскаваторов было семь для сухой выемки и один для мокрой. Их рассчитывали применить и при срытии

Шалуфского вала. Работы на Шалуфе начались еще в 1864 году, но здесь обнаружилась ошибка разведчиков: под верхним слоем песка наткнулись на скалистый целик. Это было то место, по которому перешли когда-то евреи, пользуясь отливом, о нем не знали египтяне, но знал Моисей, старожил пустыни. Для снятия Шалуфа пришлось обратиться к пороху и выписать горнорабочих из Пьемонта. Наконец, исходя из предположения, что дальше к Суэцу могли точно так же встретиться подобные выходы скалы, канал повели не по прямой, а по кривой линии.

К концу 1867 года положение работ представлялось таким:

1. В Порт-Саиде устроены дамбы с востока и запада у выхода канала в Средиземное море, одна в полторы, другая в две версты длиною.

2. Порог Серапеум прорезан, и канал в этом месте доведен до двух метров глубины.

3. Скала Шалуфа снята.

Чтобы закончить канал, предстояло сделать выемку в сорок миллионов кубических метров, и так как каждый месяц предполагали извлекать два миллиона, то открытие канала было назначено на октябрь 1869 года. За два года до этого первоначальный капитал компании в 200 миллионов франков уже был исчерпан, исчерпались и суммы, полученные от Египта за нарушение условий контракта. Новые средства решено было добыть новым займом в 100 миллионов франков. Несмотря, однако, на видимый успех предприятия и вполне определившуюся возможность его окончания, финансовая операция компании потерпела неудачу, и заем был оплачен лишь на треть. Чтобы добыть остальные две трети, оставалось одно средство – выигрышный заем. Но это запрещалось французским законом, а между тем французский денежный рынок был единственным местом, где имели спрос бумаги компании. Предстояла, таким образом, другая задача – добиться изменения закона; однако, так как французы уже привыкли смотреть на дело Лессепса как на свое национальное дело, а также благодаря влиянию бывшего дипломата и благодаря деньгам компании, в 1868 году палаты с оппозицией всего в восемь голосов дали согласие на выигрышный заем. На этот раз заем был разобран в три дня.

Между тем работы на перешейке продолжались, и в 1868 году с особенным успехом. В этом году думали извлечь 20 миллионов 300 тысяч кубических метров земли, а на самом деле извлекли на миллион больше. Рабочий состав равнялся в эту пору 22 тысячам паровых лошадей и 12 тысячам рабочих; в бассейне Горьких озер был устроен резервуар и открыт 18 марта 1869 года в

присутствии хедива.

Наконец настал и исторический день открытия канала – 4 ноября 1869 года. В этот день гавань Порт-Саида с утра кипела жизнью: ожидали приезда высоких гостей. Вскоре показался французский пароход “Орел”. Суда расцветились флагами, матросы разошлись по реям, и загремела пальба. На палубе “Орла” стояла императрица Евгения, окруженная блестящею свитой. Затем на рейд вошел пароход “Грейф” с австрийским императором, пароход “Грилле” с прусским наследным принцем и паровой клипер “Яхонт” с русским послом в Константинополе генералом Игнатьевым. При входе каждое судно встречалось салютом и отвечало на него тем же.

“Весь берег, – рассказывает очевидец, – на значительном расстоянии был украшен мачтами, на которых развевались разноцветные флаги. Сейчас за пристанью возвышались деревянные, довольно пестро разукрашенные триумфальные ворота, за которыми другой ряд флагов указывал путь, по которому должна была шествовать процессия к пунктам, предназначенным для богослужения. Вдоль всей этой дороги были выстроены шпалерами египетские войска. Шествие совершалось в довольно живописном беспорядке по узким деревянным мосткам, проложенным по глубокому песку, на котором местами стояли лужи морской воды. Вслед за вице-королем, императрицей Евгенией и иностранными принцами хлынула толпа зрителей и совершенно перемешалась с лицами свиты. Разнообразные дипломатические и военные мундиры смешались с сюртуками и пиджаками местных жителей и бурнусами арабов. Кое-где пробивались дамы в парадных туалетах. Все это текло живою, пестрою струей между войском, вдоль деревянных домов, окна которых были наполнены любопытными, смотревшими на эту пеструю картину, освещенную яркими лучами солнца. На небольшой площадке между озером Мензалех и морем были выстроены три трибуны, весьма красиво разукрашенные флагами и пальмовыми ветками. В большой средней трибуне были устроены места для хедива и прочих высочайших особ: левая – для магометанского, правая – для католического духовенства. По окончании богослужения оглушительные залпы артиллерии возвестили, что освящение канала окончено”.

На другой день происходил проход судов по каналу в заранее назначенном порядке. Но вернемся к виновнику торжества. Для него оно было двойное, потому что незадолго до открытия канала Лессепс вторично женился.

“Лессепс, – описывает тот же очевидец героя Суэца, –

немолод, ему за шестьдесят лет (61), но, несмотря на это, все в нем дышит энергией и даже относительною моложавостью, хотя умные черты его лица окаймлены густыми седыми волосами. Во всех его движениях высказывается некоторая живость и даже отрывочность; по всему видно, что это – человек, способный на неутомимую деятельность и привыкший не терять ни минуты дорогого для него времени. Мы случайно приехали в Измаилию через несколько дней после свадьбы Лессепса. Он женился на молодой красивой девушке – Елене Отар де Брогар, – дочери богатого судостроителя из Марселя. Все в доме отличалось необыкновенною простотою. Самый дом, находящийся на набережной Магомета-Али, невелик по размерам, а по устройству напоминает наши дачи средней величины. Комнаты меблированы просто, но со вкусом, и украшены цветами. Большой букет в красивой вазе, стоявший на столе в гостиной, напоминал, что это жилище новобрачных".

Едва ли нужно распространяться о значении для человечества Суэцкого канала. Говоря коротко, оно выражается словами: сокращение расстояний, – словами, из которых сами собою вытекают необходимые следствия. Путь от Нью-Йорка до Бомбея сократился, например, на 3600 морских миль (11520 – 7920), путь туда же от Петербурга на 4840 (11610 – 6770), а путь от Одессы на целых две трети, с двенадцати тысяч до четырех. Насколько выгодно оказалось предприятие, об этом можно судить по тому, что первоначальная стоимость суэцкой акции в 250 рублей (500 франков) в настоящее время поднялась до двух тысяч рублей. Ежегодная выручка канала равняется 30 миллионам франков чистой прибыли, через него проходит три тысячи кораблей, с каждой тонны которых взимается 10 франков.

Англичане тоже должны быть благодарны Лессепсу. Не говоря уже о том, что им принадлежит в настоящее время большинство суэцких акций, Суэцкий канал сокращает им дорогу в Индию почти на полные пять тысяч морских миль. Естественна поэтому перемена, которая произошла в их отношениях к герою Суэца, и если в 1857 году не все англичане разделяли мнение Палмерстона о канале как о "величайшем обмане", то в 1870 году уже не было ни одного человека, который не считал бы Лессепса благодетелем человечества вообще и Англии в частности. В 1870 году англичане подносят Лессепсу золотую медаль принца Альберта и большой крест Индийской звезды, а лорд-мэр торжественно вручает ему в Гайд-Холле диплом на звание почетного гражданина столицы Англии. Вручая Лессепсу этот подарок в золотой шкатулке, украшенной лаврами и гербами Лондона и Лессепсов, лорд-мэр сказал: "Мы запишем сегодня

ваше имя в книгу наших почетных граждан рядом с именами Ричарда Кобдена и Георга Пибоди – людей, дела которых, подобно вашим, были мирны и не запятнаны кровью”.

Глава VI. Панамский канал

Панама. – Характер города и жителей. – Панамский рынок. – Периодическое оживление города. – Дорога от Панамы до Атлантического океана. – Вопрос о прорытии перешейка в прошлом. – Колон-Панамская железная дорога. – Международные совещания о канале. – Американский и французский проекты. – Начало предприятия. – Заем и его неудача. – Поездка Лессепса в Панаму. – Результаты этой поездки. – Агитация. – Начало работ. – Начало краха. – Перемена плана. – Выигрышный заем. – Крушение предприятия. – Ликвидационная комиссия. – Панамский процесс. – Обвинение Лессепса. – История падения Лессепса. – Заключение

Панама – небольшой городок у залива того же названия. Этот залив очень мелок, и во время отлива пароходы должны приставать за четырнадцать километров от города, около Табожских островов. К берегу не подходят в это время даже лодки. Пассажиров переносят на спинах туземцы, бредя по колено в воде.

Сам город поражает наблюдателя отсутствием всякого плана; новые дома стоят рядом с развалинами, и, как в старых городах Андалузии, у каждого окна на каждом этаже балконы.

В пятидесятых годах нашего века жизнь текла здесь небыстро, и даже сторожевая служба исполнялась так, как будто дело было в какой-нибудь Обломовке. У ворот подворья, где жил епископ, американский путешественник профессор Марку нашел часового в самой неожиданной позе. Часовой лежал на спине, подняв ноги и уперев их в стену, и, между тем как его ружье валялось на земле, он покуривал сигару. Жизнь кипела, пожалуй, как в Обломовке на кухне, только на рынке, среди лотков с овощами, плодами и другими припасами. Рынок – чисто азиатский по грязи. Повсюду на веревках развешано мясо, нарезанное полосками; просыхая на солнце, оно роняет на землю жирные капли. Большинство покупателей и продавцов – метисы. Изредка попадаются белые лица европейцев, отправляющихся отсюда в Калифорнию на прииски или прибывших оттуда. Белых женщин почти не видно, большинство индианки, красивые и в 10 – 12 лет уже замужем и с детьми на руках. В довершение картины в толпу народа постоянно влетают коршуны и, схватив что попадется, несутся к окрестным холмам.

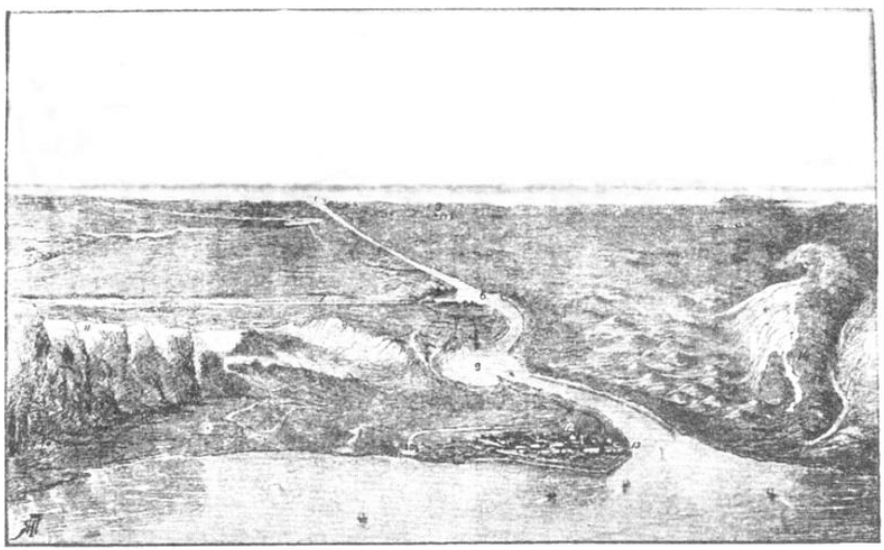
По словам того же Марку, Панама – настоящий рай пьяниц, и редкое лицо не носит в этом городе следов поклонения Бахусу.

Все заняты главным образом освежением различными напитками, от прохлаждающих до крепких, и даже купцы в своих лавках скорее пьют, чем торгуют. Разгаром этой деятельности бывают дни, когда через город два раза в месяц проходят караваны в Калифорнию и обратно. Ради этих караванов вся дорога от Панамы до Атлантического океана усеяна кантинами, то есть просто кабачками.

Эта дорога – из самых неудобных, с перевалом через горный хребет, скорее, тропинка с непроходимою грязью и в непролазной чаще тропической растительности. Таково было место, куда направились взоры Лессепса в 1876 году. Как и в истории Суэцкого канала, он был не первым человеком, задавшимся вопросом, нельзя ли соединить два океана, едва разделенные природой?...

Во время исторической аудиенции, когда Магомет-Саид объявил иностранным консулам свое решение прорыть перешеек, он обратился к представителю Соединенных Штатов с шутливым замечанием, что Суэцкий канал будет окончен, пожалуй, раньше Панамского. Так и случилось на самом деле, но, как видно из этого разговора, вопрос о соединении двух океанов, не будучи древнее вопроса о соединении двух морей, казался в проекте ближе к исполнению. Мысль об этом явилась еще у первых европейцев, поселившихся в Панаме, как прямое следствие предшествовавшего этому поселению предположения, что обе Америки разделялись проливом. Когда рассеялось это недоразумение, как результат сожаления об этом явилась мысль об искусственном проливе. В самом деле, с вершин хребта, который здесь проходит с севера на юг, можно видеть оба океана сразу; естественно было такому наблюдателю подумать о соединении разъединенных природой путей при виде кораблей, идущих с востока и запада в обход Америки. И действительно, еще Кортес предлагал прорыть перешеек и даже сделал для этого несколько изысканий. В 1520 году тем же проектом увлекался Дон-Савреда: он обратился к Карлу V с советом устроить сообщение двух океанов, но император будто бы ответил мечтателю, что это стоит золота, а между тем Испания сама ищет этого золота в Америке. В начале нашего столетия, а именно в 1814 году, испанские кортесы приказали вице-королю Новой Испании приступить к прорытию перешейка, но последовавшее вскоре отделение Мексики и других испанских колоний от метрополии само собою упразднило это предприятие. Вопросом об этом снова занялся в сороковых годах француз Гарелла. Он разработал и проект канала, и проект железной дороги, и даже взял концессию на проведение последней. Однако дело

замедлилось, срок концессии истек, и дорога была открыта в 1855 году уже американскими предпринимателями. О Панамском канале мечтал и писал император Наполеон III, когда он, не будучи еще в этом сане, сидел в крепости Гам. Первая попытка серьезно изучить это дело принадлежит Соединенным Штатам. В 1870 году правительство республики снарядило четыре экспедиции в четыре пункта перешейка: Дариен, Панаму, Никарагуа и Туантепек. Экспедиции были снаряжены с американскою щедростью, снабжены богатейшим запасом самых точных инструментов, но, к сожалению, не дали положительных ответов, хотя общее решение их склонилось к проекту канала через Никарагуа.



ПАНОРАМНЫЙ ВИДЪ СУЭЗСКАГО КАНАЛА. 1. Портъ-Саидъ. 2. Мензалехъ. 3. Развалины Пелузы. 4. Каналъ Нехоса. 5. Порогъ Эль-Гиръ. 6. Озеро Тимсахъ. 7. Каналъ пресной воды. 8. Устье древняго канала. 9. Горькія Озера, прежній заливъ Краснаго моря. 10. Резервуаръ нильской воды. 11. Горы Аттака. 12. Суэцъ. 13. Суэзскій рейдъ. 14. Горы Тіе.

Панорамный вид Суэцкого канала. *1*. Порт-Саид. *2*. Мензалех. *3*. Развалины Пелузы. *4*. Канал Нехоса. *5*. Порог Эль-Гиср. *6*. Озеро Тимсах. *8*. Устье древнего канала. *9*. Прежний залив Красного моря. *10*. Резервуар нильской воды. *11*.Горы Аттака. *12*.Суэц. *13*.Суэцкий рейд. *14*.Горы Тие.

Что касается Лессепса, то его имя впервые связывается с межокеанским каналом в 1876 году. В этом году, на международном географическом конгрессе в Париже, он выступил с проектом некоего Гогорца, обращая на него внимание ученых, но конгресс ограничился лишь рекомендацией дела вниманию правительств. Этот довольно равнодушный прием не охладил Лессепса, а скорее заставил его взять предприятие в свои руки. Вместе с несколькими членами Парижского

географического общества он составил под своим председательством “комитет для изучения вопроса о прорытии межокеанского канала”. Рядом с этим комитетом, чтобы обеспечить финансовую сторону дела, образовалось коммерческое общество, во главе которого стали бывший морской офицер Бонапарт Виз и генерал Тюр. В 1876 году под руководством Виза составилась экспедиция для изучения перешейка и выбора лучшего направления канала. Таким направлением была признана линия от Панамы на Аспинваль, и Виз получил от колумбийского правительства концессию на канал. Надо думать, что Лессепс принимал косвенное участие в этих хлопотах; во всяком случае, в 1879 году мы его видим уже открытым сторонником и покровителем проекта Виза. Впрочем, еще в 1876 году он как будто считал уже панамское предприятие своим собственным делом, и, когда на бывшем в то время географическом конгрессе американский профессор Марку, геолог и знаток Панамы, стал говорить о затруднениях, которыми грозит предприятию природа перешейка, Лессепс остановил его жестом Юпитера и объявил, что перережет перешеек без всяких шлюзов.

Этот перешеек по всей своей длине в 2300 километров представляет собой ряд более узких перешейков: Туантепек, Гондурас, Никарагуа, Панама, Сан-Блаз и Дариен. Каждому из этих пунктов соответствуют различные проекты канала: одни с общим уровнем от моря до моря, другие со шлюзами. Чтобы принять или отвергнуть предприятие в принципе или, решив утвердительно, избрать какой-нибудь один из проектов, в 1879 году в Париже был созван международный конгресс. На конгрессе присутствовали 136 членов, из которых более половины, 74 человека, были французами; большинство членов не были инженерами. Собрание разделилось на пять секций. Статистическая секция занялась вопросом о размерах предполагаемого движения по каналу, экономическая – вопросом о провозной плате и тем влиянием, которое должен был оказать канал на промышленность заинтересованных стран. Секция техническая, состоявшая из моряков и судовладельцев, изучала данные о господствующих в местности канала ветрах, течениях и, наконец, шлюзах. Четвертая секция составилась из инженеров, а пятая имела целью резюмировать мнения всех комиссий и затем определить капитал предприятия и плату за проезд по каналу.

Что касается проектов канала, то внимание конгресса остановилось главным образом на двух: американском и французском. Американский проект предлагал воспользоваться бассейном озера Никарагуа, занимающим площадь в 9680

квадратных километров и лежащим на 35 метров ниже Атлантического океана. Длина канала проектировалась в 290 километров среди почвы вулканического характера, с 17 шлюзами; стоимость была 800 миллионов франков. Второй проект принадлежал двум французским морякам – Реклю и Визу. По этому проекту канал предполагалось вести в долине реки Чагрес, причем массив Кулебры, хребта, соединяющего через перешеек Анды с Кордильерами, прорезать тоннелем и к Тихому океану выйти у Панамы. Канал Виза – Реклю проектировался без шлюзов, общего уровня с океанами; длина его определялась в 75 километров, грузопровоз в семь миллионов тонн, тариф в 15 франков за тонну и ежегодная прибыль в 42 миллиона франков. Во время дебатов авторы этого проекта отказались от тоннеля, решив, что лучше прорезать Кулебру каналом с отрытой поверхностью, то есть под открытым небом. Вторым слабым местом проекта была река Чагрес. Это своего рода американский Терек: в сухое время почти ручеек, в дождливое – грозная река с капризным и быстрым течением. При нормальных условиях быстрота ее течения равняется 15 кубическим метрам в секунду в летнее время и в среднем 120 зимою; но эти нормальные условия очень часто и неожиданно изменяются, уровень реки в одну ночь поднимается на шесть метров, а скорость течения доходит до двух тысяч кубических метров в секунду. Считаясь с этим препятствием, Реклю и Виз проектировали устройство плотины с уровнем воды в загражденном резервуаре на 30 метров выше уровня канала. Однако конгресс признал соседство такого сооружения весьма опасным для предприятия, а потому предложил прорыть одновременно три канала: один – для Чагреса и его правых притоков, второй – морской и третий – для левых притоков. Само собою разумеется, что эта тройная траншея предполагалась не через весь перешеек, а только в соседстве с Чагресом. Что касается направления канала, то конгресс большинством голосов (78 против 8), признал лучшим направление от Лимонского залива к Панамскому.

“Конгресс, – формулировалось решением собрания, – признает, что проведение межокеанского канала с постоянным уровнем, столь желательного в интересах торговли и мореплавания, представляет собою осуществимое предприятие; он признает также, что этот морской канал должен проходить от Лимонского залива к Панамскому и тем обеспечить свободу доступа и пользования, прежде всего необходимых для такого рода путей”.

Необходимо отметить, что большинство, принявшее эту формулу, далеко не было столь подавляющим, как это может

показаться из сравнения цифр: 78 *за* и 8 *против*. Как уже известно, число всех членов конгресса было 136, из них 12 воздержались от голосования, а 46 – даже от обсуждения проектов, ввиду того, что, как говорили они, все было подготовлено заранее. Таким образом, настоящую оппозицию проекту можно принять в 66 голосов. Тем не менее, когда определился благоприятный результат дебатов, Лессепс обратился к собранию с не лишенной торжественности речью.

"Я принимаю это решение, – сказал он, – и *могу вас уверить, что мы сумеем окончить это предприятие, опираясь на чувство законности, которым отличаются французские учреждения...*"

Тотчас после решения конгресса образовалось общество под названием "Всемирная компания межокеанского канала" под председательством Лессепса. По расчету конгресса, стоимость предприятия определилась в миллиард франков. Однако, когда открыли первую подписку на акции компании в 400 миллионов франков, она потерпела неудачу, потому что крупные финансисты не приняли участия в подписке. Тем не менее, Лессепс не унывал и вместе с семьею в декабре 1879 года поехал в Америку осматривать место будущих работ. Осмотр продолжался сорок дней, после чего, вернувшись во Францию, Лессепс печатно заявил в "Известиях Парижской академии", что "из осмотра местности стало *очевидным,* что прорытие перешейка для морского канала с постоянным уровнем, без тоннеля и шлюзов, *не представит никакого затруднения*". Лессепс признал даже возможным понизить стоимость предприятия до 843 миллионов франков.

С этих пор начинается панамская агитация. Когда открыли подписку на панамские акции, какой-то субъект, вероятно из ясновидцев, обратился к прокурору республики с просьбою привлечь Лессепса к суду за мошенничество. Прочитав это прошение, председатель "Всемирной компании" рассмеялся и сказал: "К несчастью, эта просьба не достигнет цели. Как кавалер Почетного Легиона, я подсуден только сенату... Вот если бы сенат уважил просьбу!... Хе-хе... какая была бы прекрасная реклама для Панамы..." Если это анекдот, то очень удачный. В самом деле – никогда, кажется, реклама не пускалась в ход с таким искусством, как это делал Лессепс, продвигая панамское дело. По улицам расклеивались объявления о подписке на прибыльное предприятие, и даже в самые глухие городишки рассылались широковещательные афиши компании. Наконец, сам Лессепс разъезжал по Франции, читая лекции о Панаме. Чтобы подействовать на слушателей, он не забывал ничего: ни своих заслуг, ни заслуг своих предков – и проводил такую параллель

между Суэцем и Панамой, как будто в самом деле природа скопировала в Америке свою работу в Африке. Кроме самого Лессепса, к мелким и крупным капиталистам взывали щедро оплаченные компанией газеты и журналы. “Чем более мы изучаем, – писали в одном издании, – систему предстоящего выпуска облигаций, тем более убеждаемся в блистательном успехе предприятия. Без всякого преувеличения можно сказать, что кто подпишется на них, тот будет иметь немедленно прибыль в 60 франков на каждый лист”. “Сегодня, – писали в другом издании, – кончается подписка, бегите быстрее в конторы, заручитесь хоть чем-нибудь. Этот великий человек имел до сих пор 400 тысяч поддерживавших его покупками, скоро число их возрастет до миллиона!...” И так писали не в одном, а в сотнях органов – в газетах и журналах, в серьезных и популярных заметках. Это был какой-то оглушающий, гипнотизирующий поток красноречия, превращавший самую рассудительную толпу в панургово стадо. Не мудрено поэтому, что даже люди, никогда не доверявшие своих денег каким-либо банкам и хранившие их в чулках и кубышках, увлеклись красноречием Лессепса и его сподвижников и отдавали свои сбережения. “Ведь это означает только увеличение наших сбережений”, – говорили одни. “Что такое Панама? – спрашивали другие. – Ведь это второй Суэц, то есть канал, приносящий доход и прославляющий имя Лессепса...”

На этот раз компании удалось заручиться средствами, наступала пора работы. Проект Виза и концессия от колумбийского правительства были куплены компанией за десять миллионов франков. Возникал еще вопрос: не помешает ли панамскому каналу Колон-Панамская железная дорога? Решили, что помешает, кроме того, рассчитывали воспользоваться этой дорогой для перевозки рабочего состава и строительных материалов. Дорога проходила всего в километре расстояния от линии канала и почти параллельно. На нью-йоркской бирже ее акции стоили в эту пору в 140 долларов каждая, но, когда начались переговоры о выкупе, они поднялись до 250-ти. Тем не менее, дорогу все-таки купили, заплатив за нее 100 миллионов франков вместо тридцати, которых она стоила в действительности.

1 января 1881 года произошла закладка канала. Высоких особ не было, но так как сам Лессепс, как герой Суэца, был в своем роде высокой особой, то борозду канала провела его дочь. Это было и торжественно, и трогательно; сейчас же заработал телеграф, а за ним газетные перья; работы начались, открытие канала состоится в 1888 году...

Предприятию предшествовали, по выражению Лессепса,

“чисто научные” изыскания, les recherches purement scientifiques... Местность была изученной, климат страны удовлетворительный – одним словом, “предприятие не представит никакого затруднения”. На деле это оказалась все та же реклама... Как уже известно, длина канала предполагалась в 75 километров, глубина – от восьми до девяти, ширина по дну – от 22 до 21 и по поверхности воды – от 30 до 35 метров. Намеревались идти параллельно железной дороге в расстоянии от нее в один километр. Канал начинался у Колона. В этом месте перешеек представляет низменность и болота и, пожалуй, походит на первый взгляд на северный район Суэцкого канала с озерами Биллах и Мензалех. Однако панамские болота были гнездилищем смертельной лихорадки, а потому климат страны не представлялся таким удовлетворительным, как говорили “чисто научные изыскания”. Затем от Колона местность медленно, хотя несколько холмясь, поднимается до Кулебры с наивысшей точкой в этом месте в 113 метров над уровнем моря и, следовательно, будущего канала. Хребет должна была перерезать траншея в восемь километров длиною, после чего, пройдя еще десять, канал соединялся с океаном у Панамы. Одним словом, местность “подымалась и опускалась”, канал прорезывал холмы, и непосвященным людям действительно представлялось, что Панама – второй Суэц, и если Суэцкий канал прорыт, то почему не прорыть Панамский... Сам Лессепс постоянно поддерживал в уме своих акционеров эту рискованную параллель и с печальной настойчивостью напоминал, что Кулебра все равно что Серапеум. Между тем на деле получались совсем другие результаты. Под болотистым слоем приатлантической низменности оказался скалистый целик, и там, где предполагалось рыть, пришлось ломать. В самом направлении канала явилась надобность сделать отступление, потому что дорога – как будто этого нельзя было видеть раньше – делала слишком крутой поворот, невозможный для канала. Но изменение направления заставляло избрать пункт пересечения Кулебры на 100 футов выше намеченного проектом, а это влекло за собою необходимость выемки на 20 миллионов кубических метров большего объема, и стоимость работ соответственно возрастала на 225 миллионов франков. Наконец, и в оценке Кулебры оказалась ошибка. Хребет предполагался из гранита, а на деле это был глинистый сланец с прослойками вулканической породы, то есть то, что называется ползучей породой. Среди такой породы нельзя было вести траншею канала с отвесными стенами, а приходилось устроить откосы, наклонная плоскость которых имела бы четыре метра в основании и метр в высоту. Само собою разумеется, что эта перемена вызывала

увеличение выемки, а вместе с тем – и цену предприятия. Возможно ли было предвидеть это? Да, без всякого сомнения, потому что все эти препятствия были уже известны при проведении Колон-Панамской железной дороги, и на них-то обращал внимание тот самый Марку, которому Лессепс жестом Юпитера возражал, что проведет *канал без шлюзов.* А между тем через шесть лет после торжественной закладки Панамского канала и за год до обещанного его открытия Лессепс коренным образом изменил свою программу и, не видя возможности скоро прорезать Кулебру, *переходит к каналу со шлюзами.* Извещая об этом в письме министра финансов Рувье, он все-таки продолжал говорить, что "решился сделать для морского Панамского канала *то же,* что сделал когда-то *в подобных же обстоятельствах* для Суэцкого". Одним словом, даже среди явной неудачи проекта Лессепс продолжал взывать к воспоминаниям о Суэце, хотя для всех было очевидно, что Панамский канал и *без* шлюзов, и *со* шлюзами не мог сохранять свое сходство с Суэцким. Впрочем, Лессепс обставлял перемену проекта чрезвычайно ловко и говорил, что канал со шлюзами будет только временной мерой, причем постепенно будут переходить к типу канала с общим уровнем.

Однако в 1886 году была исполнена только одна треть проекта, а затрачен весь капитал предприятия и переистрачено почти столько же. Нужно было, конечно, остановиться, чтобы вернуть хоть что-нибудь акционерам, но Лессепс не привык к остановкам. Для него остановка казалась позором; она как будто сводила на нет былые его заслуги, и он решил продолжать. Источником новых средств и нового оживления финансовой горячки был признан выигрышный заем, и притом гарантированный правительством. Но для этого надо было заручиться согласием правительства и палаты, и вот, после продажной агитации газет и журналов, начинается покупка и продажа полномочий. На сцену выступают темные дельцы, международные герои наживы, деньги акционеров полились широкой струею в карманы различных авантюристов. Наступило, правда пока за кулисами, какое-то вавилонское столпотворение; там, где человечество привыкло видеть гарантию своих желаний и стремлений, оказалась какая-то купля и продажа народной воли... Выигрышный заем был действительно вотирован 8 июня 1888 года, но страна уже устала наполнять бездонную бочку Панамы, и подписка далеко не оправдала ожиданий компании. Предполагалось изъять из народных сбережений 600 миллионов франков посредством выигрышных облигаций в количестве 720 миллионов. Бегите, подписывайтесь, а то будет поздно, кричали в

газетах доброжелательные писаки, но увы!.. подписчики дали только *одну трехсотую долю* необходимой суммы, то есть два миллиона франков. Среди новых восторгов рекламы, причем даже в специальном журнале “Гражданский инженер” изображали в рисунках успех грандиозного предприятия, 11 декабря 1888 года компания еще раз попыталась выпустить заем в 400 тысяч облигаций, но с тем же успехом, и затем объявила себя банкротом. Так закончилось панамское предприятие, и начался панамский процесс. Торжественные клики смолкли, и после некоторого затишья началась оргия повальных обличений...

Для оценки сделанного панамской компанией и того, что предстояло сделать для окончания канала, правительство назначило ликвидационную комиссию. В докладе этой комиссии говорилось:

1. Окончание канала возможно в течение восьми лет, но только с рядом последовательных шлюзов.

2. Строительный материал, имеющийся на перешейке, находится в исправном состоянии и может быть употреблен для окончания канала.

3. Стоимость исполненных работ и материала может быть оценена в 450 миллионов франков.

4. Новые расходы предприятия определяются суммою в 580 миллионов, а с покрытием долгов и прочего – в 900 миллионов франков.

Расход предприятия к этому времени превосходил миллиард франков, но можно сказать положительно, что больше трети этого капитала ушло неизвестно куда. Расход на рекламу несомненно представлял чудовищную цифру в пятьдесят миллионов, но это все-таки не миллиард. Стоимость работ, произведенных ко времени краха, и машин определена проверочной комиссией в 450 миллионов, итого – 500, но все же и это не миллиард, а половина. После этого справедливо будет заключение, что панамское предприятие, имевшее целью прогресс человечества, было на самом деле какой-то язвой, заражавшей организм Франции. От ошибки к ошибке, от преступления к преступлению – такова вкратце история Панамского канала.

29 декабря 1892 года открылось заседание суда над панамскою компанией. На скамье подсудимых в числе других сидел старший сын Лессепса, но сам Лессепс ввиду преклонного возраста (87 лет) не был призван на скамью подсудимых. После опроса обвиняемых и свидетелей, подтвердивших только что набросанную нами картину панамского предприятия, слово было дано генеральному адвокату.

“Приступаю к разбору этого дела, – сказал обвинитель, – с

чувством глубокой скорби. Перед судом нашим предстали люди с незапятнанным прошлым, занимающие в обществе высокое положение, а некоторые из них задумали и выполнили величественные сооружения, содействовавшие славе нашего отечества. А между тем этим именно лицам приходится ныне отвечать на обвинение в мошенничестве и злоупотреблении доверием. До последней минуты я надеялся, что они представят доказательства своей невиновности. Тщетная надежда! После происходивших на последней неделе прений факты, на которые опирается обвинение, остались неопровергнутыми, вследствие чего долг повелевает мне требовать от вас не реабилитации, о которой я сам стал бы охотно хлопотать, а позорного приговора. В числе лиц, представших перед вашим судом, один стоит неизмеримо выше прочих. Это – г-н Фердинанд де Лессепс. Если его здесь нет, то только вследствие его преклонного возраста и недугов. В этом трагическом приключении потерпели крушение его имя, его репутация, его слава. Этот гениальный муж, стоявший на одной высоте с венценосцами, унизил себя до мошеннических проделок, он не побоялся превратить в нищих тысячи людей в надежде осуществить свою мечту, в которую он верил, как в свою звезду. Бок о бок с этим разорением сооружались колоссальные состояния, что выглядит издевкой над общим бедствием...”

Суд остался под впечатлением этого обвинения и приговорил Фердинанда Лессепса к пятилетнему тюремному заключению. Когда стал известен этот приговор, в газетах появились заметки о необходимости помиловать обвиненного. Это было, конечно, великодушно, хотя диктовалось отчасти сознанием, что не все преступники понесли законную кару. Однако, строго следуя обвинительным данным, приходится признать, что Лессепс – действительно главный виновник.

Но как дошел до этого строитель Суэцкого канала? Отвечают на это просто – Лессепс не инженер. Это, конечно, правда; он – дипломат в отставке. Но Суэц?... Ведь тот же дипломат если не строил, то направлял все дело. Конечно, и здесь не обходилось без щедро оплаченной рекламы и без подкупов, конечно, и здесь были ошибки... Но чему же научился Лессепс и что забыл?

В 1885 году, 23 апреля, вступая в число академиков, Лессепс не без гордости называл себя “географом на свой лад” – geographe a ma maniere. Он называл себя в то же время “человеком дела”, в противоположность “мечтателям”. На самом же деле он всегда оставался этим мечтателем. Что привлекает его к Суэцу? Книга... Чем занят его мозг в пустыне от моря до моря? Тоже книгой. Он перечитывает там рассказы Библии о евреях, об их пути, о

чудесах Моисея. Правда, слог Лессепса не блещет красками, но это ошибочно считают за верный признак практичности. С пером в руках Лессепс тяжел и холоден. Он не умеет отразить на бумаге полет своей фантазии, но она летит высоко, опережая факты, взрывая перешейки, срывая горы, песок, скалу – все равно. Зато, когда он говорил, особенно после, он увлекал, даже больше – гипнотизировал толпу. Это очень метко определил Ренан, отвечая на речь Лессепса, по порядку академических избраний. “Без сомнения, никто, – сказал Лессепсу Ренан, – не убеждал в наше время сильнее, чем вы”. Здесь заключается разгадка панамского краха: Лессепс увлекся сам и увлек других.

Однако в этом решении вопроса только половина истины. Лессепс мог увлечься, но когда уже начались не мечты, а действительность, когда оказались очевидными промахи “чисто научных изысканий”, болота – камнем, крепкие скалы – рухляком, – когда все это обнаружилось, а Лессепс все-таки продолжал рекламировать успех предприятия, в эту пору для него нет оправдания. В это время он не мечтает, а рассуждает. Он весьма искусно составляет свои зажигательные статьи и вполне сознательно, хотя ложно проводит параллели между Панамой и Суэцем.

“Известно, – писал он, например, – как мы действовали в суэцком предприятии, точно так же мы будем действовать в панамском, и как там я имел успех, так и здесь я рассчитываю на такой же успех. Мы истратили для Суэцкого канала 505 миллионов, а вернули Франции *(это всякий может проверить, мы отдали отчет правительству)* 1 миллиард 250 миллионов. Вот почему я имею сторонников среди народа и везде. Нет скромного буржуа, крестьянина, мелкого торговца, у которого не было бы суэцкой акции. Мне случилось как-то ехать к себе в бюро в фиакре. Получив за проезд 35 су, кучер протянул мне руку и сказал: “Господин Лессепс, я ваш акционер”.

Вот люди, которые совершили суэцкое предприятие! Они же совершат панамское, *и Панамский канал будет открыт в 1889 году*. Пример Суэца справедливо увеличивает число и доверие акционеров Панамы. Вот уже 16 лет, как открыт Суэцкий канал, а там еще работают (намек на затянувшиеся работы в Панаме). В Панаме у нас имеются средства, каких не было в Суэце; как видно из сметы, мы имеем 57 тысяч паровых лошадей, что дает *(это легко рассчитать),* считая паровую лошадь равной силе десяти человек, работу 570 тысячам человек, то есть армия в 570 тысяч людей вдобавок к 20 тысячам землекопов, которыми мы располагаем на месте работ.

Так вот, со всем этим мы на пути к открытию в 1889 году

канала, достаточного для всех кораблей, какие плавают в настоящее время, а по мере нужд будущего мы увеличим канал *подобно тому, как это мы делали в Суэце,* который давно дает прекрасную прибыль акционерам, а между тем мы *еще* работаем там. Я был в Панаме, с друзьями, с искусными инженерами, с представителями торговых палат; их отчет скоро напечатают, и тогда все убедятся. Только французы могут делать такие дела без помощи правительства и финансистов. Этот народ, самый преданный и бескорыстный, соорудил Суэцкий канал, и он же соорудит Панамский. У нас знаменитейшие инженеры, молодые люди; я люблю молодежь, хотя мне восемьдесят лет. Старость соображает, молодость исполняет. Так вот, у нас пять дивизий инженеров, и *весь свет убежден,* что мы не можем не достигнуть желательного результата. От Тихого океана до Атлантического у нас целый ряд мастерских и все средства, какие имеются теперь для таких предприятий. Мы видели, как взрывались динамитом горы, каменные скалы в 100 кубических метров взлетали на воздух, как булыжник. Мы счастливы тем, что можем уверить после только что сделанной поездки, что канал будет открыт в 1889 году…"

Как видно из последних строк, Лессепс писал эту статью-рекламу, вернувшись из поездки в Панаму, но и все время, до последнего дня перед крахом он писал в этом роде – и писали другие за его деньги, – с постоянными воззваниями к чувству национальной гордости, к патриотизму, с феерическими картинами кипучей работы на Панамском перешейке. Он намекает постоянно, что дело ведется открыто – читайте отчеты, газеты, но, когда правительство, у которого просили поддержки, захотело ознакомиться с книгами компании, Лессепс не согласился раскрыть свои карты. Вполне справедлива поэтому оценка приемов Лессепса, сделанная американским ученым Марку.

"Чтобы узнать, – говорит он, – истину от господина Лессепса, нужно понимать его слова наоборот. Когда он говорит, что "дело не представит затруднений", то надо понимать таким образом: затруднения есть, и затруднения непреодолимые. Когда он говорит, что землетрясений не бывает, понимайте: землетрясения часты и опустошительны. "Климат здоровый" – читайте: самый убийственный в мире; "работа компании будет у всех на виду, как в стеклянном доме", – читайте: правление компании будет бутылкой чернил, в которой никто ничего и никогда не увидит…"

Лессепса оправдывают теми вымогательствами, которые встречали его дело. Указывают на миллионы, расхватанные за услуги и Бог знает за что депутатами, журналистами, банкирами

и другими посредниками. Но что свело Лессепса с этой шайкой и заставило прибегнуть к деморализации людей слабой воли? Не то ли, что он хотел скрыть от народа истинное положение вещей и свои ошибки? Несомненно – именно это отдало его в руки аферистов, а раз он пошел на сделки с ними, ему пришлось продолжать их и далее под страхом вечной угрозы раскрыть глаза... Вот каким образом запутался тот клубок, распутывание которого поразило одних ужасом, как картина нравственного падения людей, других – боязнью за республиканские учреждения и третьих – опасением, как бы нации, присутствуя при панамском расследовании, не принялись отыскивать у себя дома подобных же безобразий... В этом последнем была поучительная сторона панамского процесса, и, вероятно, чтобы успокоить бдительностью властей взволнованные нации, кое-где тоже были расследованы разные злоупотребления. Такой грандиозной картины, какая развернулась при этом во Франции, нигде в другом месте, конечно, не повторилось, потому что только при условиях государственной жизни Франции возможна была широкая огласка преступления. И потому если панамские события потрясли в первое время людей, смотревших на республику как на гарантию против злоупотреблений, то это чувство вскоре уступило место сознанию, что та же республика дала средства раскрыть истину. Панамское дело обнаружило, что учреждения не обновляют нации в нравственном отношении, считают одни. Эти учреждения являются новыми мехами с дурным вином, и, таким образом, необходимость нравственного усовершенствования людей должна предшествовать усовершенствованию учреждений. На самом деле это большое заблуждение. Дело в том, что учреждения являются не только гарантией нравственности, но и факторами нравственности. Они воспитывают нации, потому что церковь, судебные учреждения, парламент и тому подобное сами по себе для мыслящего человека являются красноречивым нравственным воздействием. Случаи безобразий вроде панамского под сенью усовершенствованных учреждений говорят только о том, что воспитательное воздействие учреждений не закончилось, а вовсе не об отсутствии у них этого воздействия.

Источники

1. *F.Lesseps.* Souvenirs de guarante ans.

2. *J.B.Lesseps.* Voyage de Kamtchatka en France.

3. *J.Marcou.* Souvenir d'un geologue sur Panama.

4. Percement de l'isthme de Suez, ed. de Lesseps.

5. Lettres, journal et documents pour servir a l'histoire du canal de Suez. Du meme.

6. L'achevement du canal de Panama, par un ancien ingenieur de ce canal.

7. *Тернер.* Поездка по Суэцкому каналу. – “Вестник Европы”, 1870.